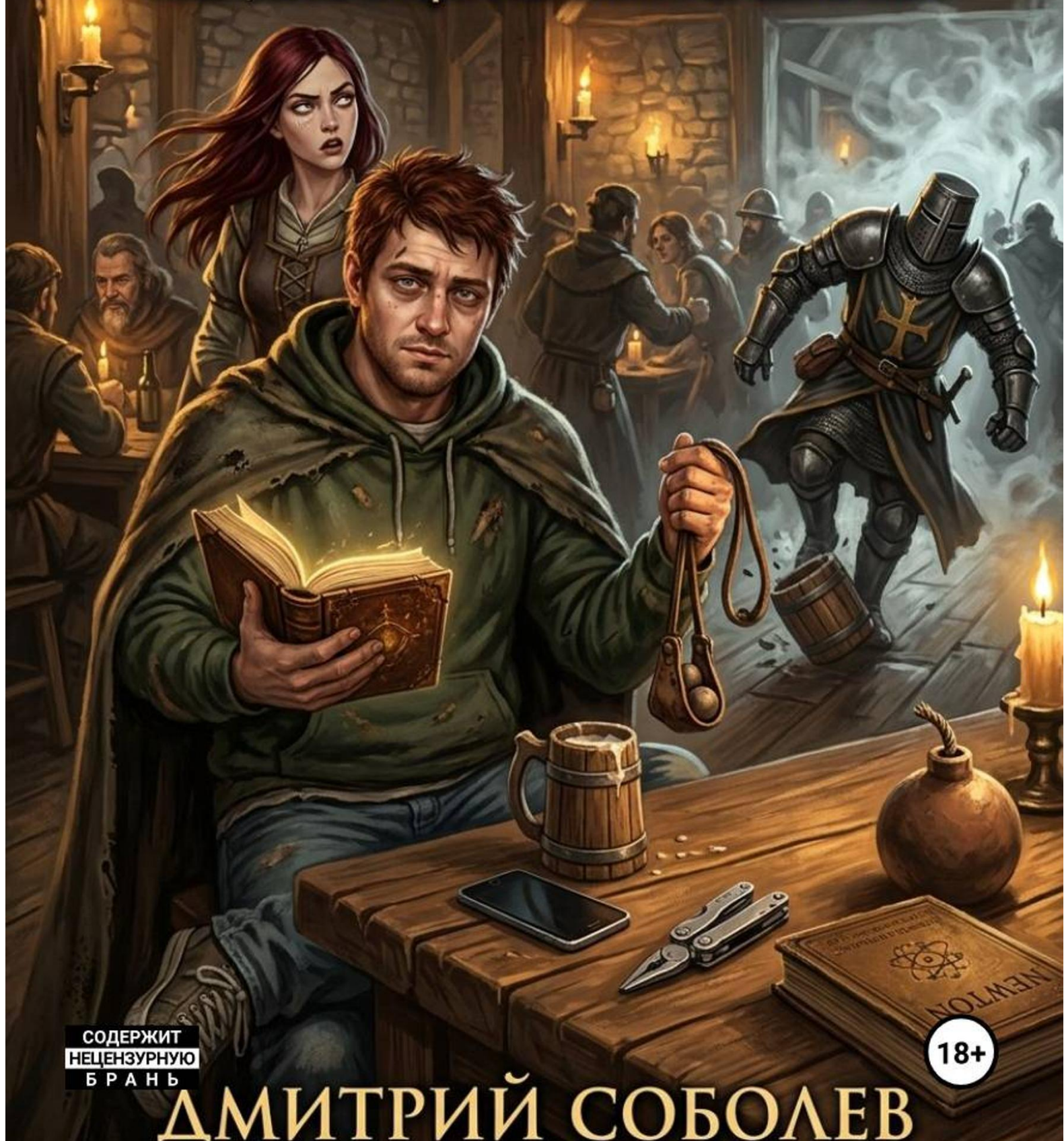

ХАОС-КОД

Попаданец, пельмени и уксусные бомбы

Роман, после которого вы захотите починить насос

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДМИТРИЙ СОБОЛЕВ

Дмитрий Соболев

Хаос-код

«Автор»

2026

Соболев Д.

Хаос-код / Д. Соболев — «Автор», 2026

Инженер-программист из Челябинска хотел только одного — доест пельмени и досмотреть сериал. Вместо этого он упал в канаву магического средневековья, сломал телефон и вляпался в войну с инквизицией. Магия здесь убивает, инквизиторы сжигают ведьм, а простые люди молятся, чтобы их не заметили. Но Димон не умеет колдовать. Зато он умеет чинить насосы, делать бомбы из уксуса и объяснять физику тем, кто верит в чудеса. Вместе со сбежавшей ведьмой и старым солдатом-инвалидом он собирает армию из крестьян, чтобы свергнуть тирана. Против них — магические амулеты, отряды палачей и главный инквизитор, который ненавидит магию больше смерти. Но у Димона есть книга Ньютона, праща и привычка шутить, когда страшно. «Хаос-код» — это роман о попаданце, который не ищет лёгких путей. Он чинит, взрывает, влюбляется и случайно изобретает порох.

© Соболев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Падение	5
Глава 1	9
У ведьмы в лачуге	9
Глава 2	50
Глава 3	56
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дмитрий Соболев

Хаос-код

Пролог. Падение

Запах был первым.

Не тот чистый, стерильный запах офиса с кофемашиной и кондиционером. Не запах челябинского двора после дождя — бензин, мокрый асфальт, шашлыки с первого этажа.

Это был запах конского навоза, горелого жира и сырой земли.

Дмитрий Соболев открыл глаза. Над ним нависало небо — серое, низкое, с тучами, которые двигались слишком быстро для конца апреля. Он лежал в грязи. Лицом в луже.

— Бля, — выдохнул он, приподнимаясь на локтях.

Одежда промокла насквозь. Любимый худи с «42» — в глине. Кеды — в чём-то липком и зелёном. Во рту привкус крови и... солёных огурцов? Он помнил, что до этого было: пятница, десять вечера, пельмени с хреном, четвёртый сезон «Рика и Морти». Он как раз заснул на диване. И всё.

Никакого портала. Никакого сияния. Никаких призывающих кругов.

Просто — выключили свет, и ты в канаве.

— Димон, ты обдолбался, — сказал он себе, поднимаясь.

Ноги дрожали. Он огляделся.

Каменные стены. Высокие, метров восемь, сложенные из грубого серого камня, поросшего мхом. Ворота из чёрного дерева, обитые железом. Узкие окна-бойницы наверху. Факелы. Настоящие факелы — с дымом, копотью и жирным огнём.

Город. Он был внутри города. Или у стены. Грязь под ногами, сточные воды, вонь. Вдалеке — шум: скрип телег, крики торговцев, звон металла.

— Это декорации, — твёрдо сказал Димон. — Квест-рум. Самый дорогой в моей жизни.

Он потянулся к карману джинсов. Телефон. Живой. Экран треснут, но работает. Часы показывают 22:14, пятница. Связи нет. GPS не ловит. Зато зарядка — 73 процента. Он судорожно открыл камеру и снял видео.

«Димон, ты сейчас в каком-то говне. Если это сон — проснись. Если нет — это последняя запись. Я в городе, похожем на... ну, на Средневековье. Камни, факелы, воняет. Ни хера не понимаю. У меня...»

Он замолчал. Потому что из-за угла вышел патруль.

Трое. В кожаных доспехах, с мечами на поясах. На груди — серебряные значки: раскрытая ладонь с глазом в центре. У того, что шёл первым, лицо пересекал старый шрам от виска до подбородка.

— Стоять, — сказал шрам.

Голос низкий, спокойный. Привыкший к подчинению.

Димон замер. Потому что мечи были настоящими. Он видел ржавчину на одном клинке, потёки масла на другом. И глаза — у этих ребят не было глаз актёров в квест-руме. Это были глаза людей, которые убивают.

— Кто такой? — спросил шрам, приближаясь. — Имя, происхождение, метка.

— Я... э-э... — Димон сглотнул. — Дмитрий. Я из Челябинска. Это что за город?

Тишина. Патрульные переглянулись.

— Челябинск? — переспросил второй, рыжий и веснушчатый. — Где это?

— Это... в России, — Димон почувствовал, как его голос срывается в фальцет. — Это страна. Ну, вы знаете, Россия. Медведи, водка, балалайка. Вы что, никогда...

— Покажи метку, — перебил шрам.

— Метку? Какую метку?

— На левом запястье. Знак Ткани.

Димон закатал рукав худы. Чистая кожа. Ни шрамов, ни татуировок, ни символов. Патрульные снова переглянулись, но теперь иначе. Не удивлённо. Опасно.

— Нет метки, — сказал рыжий. — Быть не может.

— Иномирец, — выдохнул третий, молодой парень с прыщами. Он побледнел и отступил на шаг. — Таких тридцать лет не было. Мы должны...

— Молчать, — рявкнул шрам. Он вытащил меч. Лезвие блеснуло в свете факелов. — Ты. Иномирец. Ты знаешь, что по закону Андалоса мы имеем право...

— СТОЙТЕ!

Крик пролетел над площадью. Высокий, звонкий, женский.

Патрульные обернулись. Димон тоже.

Из переулка выбежала девушка. Лет двадцати с небольшим, худая, бледная. Волосы — длинные, тёмно-рыжие, почти ржавые — развевались за спиной. На ней был серый плащ, под которым угадывалось что-то кожаное. Глаза... Димон не сразу понял, что в глазах что-то не так. А потом увидел: вертикальные зрачки. Как у кошки.

— Он со мной, — сказала девушка, тяжело дыша. — Он мой... мой торговец. Из далёких земель. У него нет метки, потому что он не отсюда. Но он платит.

Шрам не убрал меч.

— Твой торговец, Элинон? — усмехнулся он. — С каких пор у тебя есть деньги на торговцев?

— С тех пор, как я продала твою тайну, Грегор, — девушка улыбнулась, но улыбка была ледяной. — Ту, про прошлый месяц. И ту, про прошлую неделю. Хочешь, чтобы я назвала их при твоих людях?

Рыжий попятился. Прыщавый уставился на шрама. Шрам — Грегор — медленно убрал меч.

— Уходи, — сказал он, не глядя на девушку. — Уводи своего... торговца. Но если я увижу его без метки ещё раз — ты полетишь на костёр вместе с ним.

Девушка схватила Димона за руку. Пальцы холодные, цепкие. Она потащила его в тёмный переулок, под арку, мимо бочек с гниющей капустой и спящего пса.

Они бежали. Димон спотыкался, наступал в лужи, но не останавливался.

Через три поворота и две лестницы они влетели в какой-то подвал. Девушка захлопнула дверь и задвинула засов.

— Ты... — она прижалась спиной к стене и сползла на пол. — Ты кто, Ткань тебя раздери?

Димон сел рядом. Сердце колотилось где-то в горле. Телефон всё ещё был в руке. Он посмотрел на экран.

22:19.

Прошло пять минут.

— Я Димон, — сказал он хрипло. — Я из России. Я понятия не имею, где я и что происходит. Но мне кажется... мне кажется, я не сплю.

Девушка посмотрела на него. Вертикальные зрачки расширились.

— Ты прав, — сказала она. — Не спишь. Добро пожаловать в Андалос. Мир, где магия жрёт тебя изнутри, инквизиция жрёт всех подряд, а ты, парень... ты труп без метки.

Она выдохнула и закрыла глаза.

— Меня зовут Элино́р. И я только что спасла твою никчёмную жизнь.

Глава 1

У ведьмы в лачуге

Подвал пах мышами, сушёными травами и чем-то кислым.

Димон сидел на соломенном тюфяке, привалившись спиной к каменной стене. Кеды он снял — сушить. Носки выжал. Телефон положил рядом, но экран больше не включал — берёт зарядку.

Элинор сидела напротив, на перевернутом ящике. Она разжигала маленький очаг щелчком пальцев.

Щелчок — и из ниоткуда вспыхнул огонь.

Димон моргнул.

— Это фокус, — сказал он. — В рукаве зажигалка или магний. Я такое в интернете видел.

Элинор подняла бровь. Сделала ещё один щелчок — над её ладонью заплясал синий огонёк, маленький, размером с монету.

— Трогай, — сказала она.

Димон протянул палец. Огонёк был горячим. Настоящим. И он не жёг — ровно на границе боли и тепла.

— Это магия, — сказала Элинор. — Всамделишная. Не фокус, не трюк. Я ведьма. И если ты сейчас завизжишь и убежишь на улицу, тебя схватит инквизиция и сожжёт за компанию со мной. Понял?

Димон убрал палец.

— Понял, — сказал он. — Дай мне минуту.

Он закрыл глаза. Мысли метались как мухи в банке.

Вариант первый: я в коме. После пельменей — инфаркт, инсульт, всё дела. Лежу в реанимации, мозг рисует сказки.

Вариант второй: меня похитили. Какая-то очень дорогая и странная инсценировка. Но зачем? Я инженер-программист, а не президент.

Вариант третий: я правда в другом мире. С магией, ведьмами и патрулями с мечами.

Третий вариант был самым безумным. И самым вероятным.

— Хорошо, — он открыл глаза. — Допустим, я поверил. Объясни мне, как пятикласснику. Где я? Что за магия? И почему меня должны сжечь?

Элино́р вздохнула. Она взяла с полки глиняную кружку, налила из кувшина какую-то бурду и протянула Димону.

— Пей. Это не яд, просто травяное дерьмо. Вкуса нет, зато согревает.

Димон сделал глоток. Вкуса действительно не было. Зато по телу разлилось приятное тепло.

— Ты в королевстве Андалос, — начала Элино́р. — Мир называется тоже Андалос, лень было придумывать новое. Здесь есть магия. Она повсюду — в воздухе, в земле, в крови. Те, кто могут ею управлять, — маги. Те, кто не могут — просто люди. Инквизиция считает, что магия — это проклятие. Что она убивает. И её нужно уничтожить.

— А она убивает? — спросил Димон.

Элино́р помолчала.

— Иногда, — сказала она тихо. — Если не контролировать. Если злиться слишком сильно. Если... если ты слаб.

Она поставила кружку и закатала левый рукав. Димон увидел шрамы — тонкие, аккуратные, похожие на вязь. Руны.

— Это метка, — пояснила она. — Её ставят в детстве, если в роду был маг. Она показывает уровень твоего дара. У тебя нет метки — значит, ты не отсюда. Иномирец. Последнего иномирца инквизиция сожгла тридцать лет назад. Прилюдно. Три дня он горел и не умирал.

Димон сглотнул.

— И как я сюда попал?

— Понятия не имею, — Элино́р пожала плечами. — Может, разрыв Ткани. Может, Архитекторы шутят. Может, ты просто везучий идиот.

— А вылезти отсюда как?

— Никак.

Димон замер.

— Никак? Совсем?

— Портал? — Элино́р усмехнулась. — Дорога домой? Нет, парень. Никто не знает, как попасть в другие миры. И никто не знает, как вернуться. Ты здесь навсегда.

Димон опустил голову. Пельмени. Сериал. Свой диван. Мама, которая звонит по воскресеньям и спрашивает, женился ли он уже.

Всё это осталось там. А здесь — вонь, грязь, вертикальные зрачки и страх.

— Не реви, — сказала Элино́р, но голос её смягчился. — Я тоже не сразу привыкла.

— Ты тоже... — Димон поднял голову. — Ты тоже иномирка?

— Нет, — она покачала головой. — Но я была одна. Когда мать сожгли, когда меня объявили вне закона. Также думала, что это конец.

Она помолчала, потом встала и подошла к столу, на котором лежала карта — потрёпанная, с восковыми пометками.

— Есть один старик, — сказала она. — Альдрик. Он живёт в Забытой Башне в Гнилых горах. Он маг — древний, сильный, безумный. Если кто и знает про иномирцев — то он.

— Далеко?

— Две недели пешком. Если нас не убьют раньше.

Димон встал. Ноги всё ещё дрожали, но уже меньше.

— А что ты с этого получишь? — спросил он. — Зачем тебе тащиться через всю страну с каким-то непонятным мужиком?

Элино́р посмотрела на него. Вертикальные зрачки сузились.

— Потому что инквизиторы видели тебя со мной. Теперь я тоже под подозрением. Моя лачуга — не убежище, а могила. А старик Альдрик может научить меня тому, что не знаю я. Тому, что не дала мне мать.

Она сунула карту в мешок и кинула Димону грязный, но сухой плащ.

— Надевай. Мы уходим на рассвете. До рассвета — три часа. Спи, если сможешь.

Димон накинул плащ. Солома колосась, стена была холодной, а в голове гудело.

Он лёг, закрыл глаза и прошептал в темноту:

— Я вернусь. Я придумаю, как вернуться. Я инженер, чёрт возьми.

Никто ему не ответил.

Только огонь в очаге тихо щёлкнул и погас.

Запах был первым.

Не тот чистый, стерильный запах офиса с кофемашиной и кондиционером. Не запах челябинского двора после дождя — бензин, мокрый асфальт, шашлыки с первого этажа.

Это был запах конского навоза, горелого жира и сырой земли.

Дмитрий Соболев открыл глаза. Над ним нависало небо — серое, низкое, с тучами, которые двигались слишком быстро для конца апреля. Он лежал в грязи. Лицом в луже.

— Бля, — выдохнул он, приподнимаясь на локтях.

Одежда промокла насквозь. Любимый худи с «42» — в глине. Кеды — в чём-то липком и зелёном. Во рту привкус крови и... солёных огурцов? Он помнил, что до этого было: пятница, десять вечера, пельмени с хреном, четвёртый сезон «Рика и Морти». Он как раз заснул на диване. И всё.

Никакого портала. Никакого сияния. Никаких призывающих кругов.

Просто — выключили свет, и ты в канаве.

— Димон, ты обдолбался, — сказал он себе, поднимаясь.

Ноги дрожали. Он огляделся.

Каменные стены. Высокие, метров восемь, сложенные из грубого серого камня, поросшего мхом. Ворота из чёрного дерева, обитые железом. Узкие окна-бойницы наверху. Факелы. Настоящие факелы — с дымом, копотью и жирным огнём.

Город. Он был внутри города. Или у стены. Грязь под ногами, сточные воды, вонь. Вдалеке — шум: скрип телег, крики торговцев, звон металла.

— Это декорации, — твёрдо сказал Димон. — Квест-рум. Самый дорогой в моей жизни.

Он потянулся к карману джинсов. Телефон. Живой. Экран треснут, но работает. Часы показывают 22:14, пятница. Связи нет. GPS не ловит. Зато зарядка — 73 процента. Он судорожно открыл камеру и снял видео.

«Димон, ты сейчас в каком-то говне. Если это сон — проснись. Если нет — это последняя запись. Я в городе, похожем на... ну, на Средневековье. Камни, факелы, воняет. Ни хера не понимаю. У меня...»

Он замолчал. Потому что из-за угла вышел патруль.

Трое. В кожаных доспехах, с мечами на поясах. На груди — серебряные значки: раскрытая ладонь с глазом в центре. У того, что шёл первым, лицо пересекал старый шрам от виска до подбородка.

— Стоять, — сказал шрам.

Голос низкий, спокойный. Привыкший к подчинению.

Димон замер. Потому что мечи были настоящими. Он видел ржавчину на одном клинке, потёки масла на другом. И глаза — у этих ребят не было глаз актёров в квест-руме. Это были глаза людей, которые убивают.

— Кто такой? — спросил шрам, приближаясь. — Имя, происхождение, метка.

— Я... э-э... — Димон сглотнул. — Дмитрий. Я из Челябинска. Это что за город?

Тишина. Патрульные переглянулись.

— Челябинск? — переспросил второй, рыжий и веснушчатый. — Где это?

— Это... в России, — Димон почувствовал, как его голос срывается в фальцет. — Это страна. Ну, вы знаете, Россия. Медведи, водка, балалайка. Вы что, никогда...

— Покажи метку, — перебил шрам.

— Метку? Какую метку?

— На левом запястье. Знак Ткани.

Димон закатал рукав худы. Чистая кожа. Ни шрамов, ни татуировок, ни символов. Патрульные снова переглянулись, но теперь иначе. Не удивлённо. Опасно.

— Нет метки, — сказал рыжий. — Быть не может.

— Иномирец, — выдохнул третий, молодой парень с прыщами. Он побледнел и отступил на шаг. — Таких тридцать лет не было. Мы должны...

— Молчать, — рявкнул шрам. Он вытащил меч. Лезвие блеснуло в свете факелов. — Ты. Иномирец. Ты знаешь, что по закону Андалоса мы имеем право...

— СТОЙТЕ!

Крик пролетел над площадью. Высокий, звонкий, женский.

Патрульные обернулись. Димон тоже.

Из переулка выбежала девушка. Лет двадцати с небольшим, худая, бледная. Волосы — длинные, тёмно-рыжие, почти ржавые — развевались за спиной. На ней был серый плащ, под которым угадывалось что-то кожаное. Глаза... Димон не сразу понял, что в глазах что-то не так. А потом увидел: вертикальные зрачки. Как у кошки.

— Он со мной, — сказала девушка, тяжело дыша. — Он мой... мой торговец. Из далёких земель. У него нет метки, потому что он не отсюда. Но он платит.

Шрам не убрал меч.

— Твой торговец, Элино́р? — усмехнулся он. — С каких пор у тебя есть деньги на торговцев?

— С тех пор, как я продала твою тайну, Грегор, — девушка улыбулась, но улыбка была ледяной. — Ту, про прошлый месяц. И ту, про прошлую неделю. Хочешь, чтобы я назвала их при твоих людях?

Рыжий попятился. Прыщавый уставился на шрама. Шрам — Грегор — медленно убрал меч.

— Уходи, — сказал он, не глядя на девушку. — Уводи своего... торговца. Но если я увижу его без метки ещё раз — ты полетишь на костёр вместе с ним.

Девушка схватила Димона за руку. Пальцы холодные, цепкие. Она потащила его в тёмный переулок, под арку, мимо бочек с гниющей капустой и спящего пса.

Они бежали. Димон спотыкался, наступал в лужи, но не останавливался.

Через три поворота и две лестницы они влетели в какой-то подвал. Девушка захлопнула дверь и задвинула засов.

— Ты... — она прижалась спиной к стене и сползла на пол. — Ты кто, Ткань тебя раздери?

Димон сел рядом. Сердце колотилось где-то в горле. Телефон всё ещё был в руке. Он посмотрел на экран.

22:19.

Прошло пять минут.

— Я Димон, — сказал он хрипло. — Я из России. Я понятия не имею, где я и что происходит. Но мне кажется... мне кажется, я не сплю.

Девушка посмотрела на него. Вертикальные зрачки расширились.

— Ты прав, — сказала она. — Не спишь. Добро пожаловать в Андалос. Мир, где магия жрёт тебя изнутри, инквизиция жрёт всех подряд, а ты, парень... ты труп без метки.

Она выдохнула и закрыла глаза.

— Меня зовут Элино́р. И я только что спасла твою никчёмную жизнь.

Глава 1. У ведьмы в лачуге

Подвал пах мышами, сушёными травами и чем-то кислым.

Димон сидел на соломенном тюфяке, привалившись спиной к каменной стене. Кеды он снял — сушить. Носки выжал. Телефон положил рядом, но экран больше не включал — берёт зарядку.

Элинор сидела напротив, на перевернутом ящике. Она разжигала маленький очаг щелчком пальцев.

Щелчок — и из ниоткуда вспыхнул огонь.

Димон моргнул.

— Это фокус, — сказал он. — В рукаве зажигалка или магний. Я такое в интернете видел.

Элинор подняла бровь. Сделала ещё один щелчок — над её ладонью заплясал синий огонёк, маленький, размером с монету.

— Трогай, — сказала она.

Димон протянул палец. Огонёк был горячим. Настоящим. И он не жёг — ровно на границе боли и тепла.

— Это магия, — сказала Элинор. — Всамделишная. Не фокус, не трюк. Я ведьма. И если ты сейчас завизжишь и выбежишь на улицу, тебя схватит инквизиция и сожжёт за компанию со мной. Понял?

Димон убрал палец.

— Понял, — сказал он. — Дай мне минуту.

Он закрыл глаза. Мысли метались как мухи в банке.

Вариант первый: я в коме. После пельменей — инфаркт, инсульт, всё дела. Лежу в реанимации, мозг рисует сказки.

Вариант второй: меня похитили. Какая-то очень дорогая и странная инсценировка. Но зачем? Я инженер-программист, а не президент.

Вариант третий: я правда в другом мире. С магией, ведьмами и патрулями с мечами.

Третий вариант был самым безумным. И самым вероятным.

— Хорошо, — он открыл глаза. — Допустим, я поверил. Объясни мне, как пятикласснику. Где я? Что за магия? И почему меня должны сжечь?

Элинор вздохнула. Она взяла с полки глиняную кружку, налила из кувшина какую-то бурду и протянула Димону.

— Пей. Это не яд, просто травяное дерьмо. Вкуса нет, зато согревает.

Димон сделал глоток. Вкуса действительно не было. Зато по телу разлилось приятное тепло.

— Ты в королевстве Андалос, — начала Элино́р. — Мир называется тоже Андалос, лень было придумывать новое. Здесь есть магия. Она повсюду — в воздухе, в земле, в крови. Те, кто могут ею управлять, — маги. Те, кто не могут — просто люди. Инквизиция считает, что магия — это проклятие. Что она убивает. И её нужно уничтожить.

— А она убивает? — спросил Димон.

Элино́р помолчала.

— Иногда, — сказала она тихо. — Если не контролировать. Если злиться слишком сильно. Если... если ты слаб.

Она поставила кружку и закатала левый рукав. Димон увидел шрамы — тонкие, аккуратные, похожие на вязь. Руны.

— Это метка, — пояснила она. — Её ставят в детстве, если в роду был маг. Она показывает уровень твоего дара. У тебя нет метки — значит, ты не отсюда. Иномирец. Последнего иномирца инквизиция сожгла тридцать лет назад. Прилюдно. Три дня он горел и не умирал.

Димон сглотнул.

— И как я сюда попал?

— Понятия не имею, — Элино́р пожала плечами. — Может, разрыв Ткани. Может, Архитекторы шутят. Может, ты просто везучий идиот.

— А вылезти отсюда как?

— Никак.

Димон замер.

— Никак? Совсем?

— Портал? — Элино́р усмехнулась. — Дорога домой? Нет, парень. Никто не знает, как попасть в другие миры. И никто не знает, как вернуться. Ты здесь навсегда.

Димон опустил голову. Пельмени. Сериал. Свой диван. Мама, которая звонит по воскресеньям и спрашивает, женился ли он уже.

Всё это осталось там. А здесь — вонь, грязь, вертикальные зрачки и страх.

— Не реви, — сказала Элино́р, но голос её смягчился. — Я тоже не сразу привыкла.

— Ты тоже... — Димон поднял голову. — Ты тоже иномирка?

— Нет, — она покачала головой. — Но я была одна. Когда мать сожгли, когда меня объявили вне закона. Тоже думала, что это конец.

Она помолчала, потом встала и подошла к столу, на котором лежала карта — потрёпанная, с восковыми пометками.

— Есть один старик, — сказала она. — Альдрик. Он живёт в Забытой Башне в Гнилых горах. Он маг — древний, сильный, безумный. Если кто и знает про иномирцев — то он.

— Далеко?

— Две недели пешком. Если нас не убьют раньше.

Димон встал. Ноги всё ещё дрожали, но уже меньше.

— А что ты с этого получишь? — спросил он. — Зачем тебе тащиться через всю страну с каким-то непонятным мужиком?

Элинор посмотрела на него. Вертикальные зрачки сузились.

— Потому что инквизиторы видели тебя со мной. Теперь я тоже под подозрением. Моя лачуга — не убежище, а могила. А старик Альдрик может научить меня тому, что не знаю я. Тому, что не дала мне мать.

Она сунула карту в мешок и кинула Димону грязный, но сухой плащ.

— Надевай. Мы уходим на рассвете. До рассвета — три часа. Спи, если сможешь.

Димон накинул плащ. Солома кололась, стена была холодной, а в голове гудело.

Он лёг, закрыл глаза и прошептал в темноту:

— Я вернусь. Я придумаю, как вернуться. Я инженер, чёрт возьми.

Никто ему не ответил.

Только огонь в очаге тихо щёлкнул и погас.

Запах был первым.

Не тот чистый, стерильный запах офиса с кофемашиной и кондиционером. Не запах челябинского двора после дождя — бензин, мокрый асфальт, шашлыки с первого этажа.

Это был запах конского навоза, горелого жира и сырой земли.

Дмитрий Соболев открыл глаза. Над ним нависало небо — серое, низкое, с тучами, которые двигались слишком быстро для конца апреля. Он лежал в грязи. Лицом в луже.

— Бля, — выдохнул он, приподнимаясь на локтях.

Одежда промокла насквозь. Любимый худи с «42» — в глине. Кеды — в чём-то липком и зелёном. Во рту привкус крови и... солёных огурцов? Он помнил, что до этого было: пятница, десять вечера, пельмени с хреном, четвёртый сезон «Рика и Морти». Он как раз заснул на диване. И всё.

Никакого портала. Никакого сияния. Никаких призывающих кругов.

Просто — выключили свет, и ты в канаве.

— Димон, ты обдолбался, — сказал он себе, поднимаясь.

Ноги дрожали. Он огляделся.

Каменные стены. Высокие, метров восемь, сложенные из грубого серого камня, поросшего мхом. Ворота из чёрного дерева, обитые железом. Узкие окна-бойницы наверху. Факелы. Настоящие факелы — с дымом, копотью и жирным огнём.

Город. Он был внутри города. Или у стены. Грязь под ногами, сточные воды, вонь. Вдалеке — шум: скрип телег, крики торговцев, звон металла.

— Это декорации, — твёрдо сказал Димон. — Квест-рум. Самый дорогой в моей жизни.

Он потянулся к карману джинсов. Телефон. Живой. Экран треснут, но работает. Часы показывают 22:14, пятница. Связи нет. GPS не ловит. Зато зарядка — 73 процента. Он судорожно открыл камеру и снял видео.

«Димон, ты сейчас в каком-то говне. Если это сон — проснись. Если нет — это последняя запись. Я в городе, похожем на... ну, на Средневековье. Камни, факелы, воняет. Ни хера не понимаю. У меня...»

Он замолчал. Потому что из-за угла вышел патруль.

Трое. В кожаных доспехах, с мечами на поясах. На груди — серебряные значки: раскрытая ладонь с глазом в центре. У того, что шёл первым, лицо пересекал старый шрам от виска до подбородка.

— Стоять, — сказал шрам.

Голос низкий, спокойный. Привыкший к подчинению.

Димон замер. Потому что мечи были настоящими. Он видел ржавчину на одном клинке, потёки масла на другом. И глаза — у этих ребят не было глаз актёров в квест-руме. Это были глаза людей, которые убивают.

— Кто такой? — спросил шрам, приближаясь. — Имя, происхождение, метка.

— Я... э-э... — Димон слотнул. — Дмитрий. Я из Челябинска. Это что за город?

Тишина. Патрульные переглянулись.

— Челябинск? — переспросил второй, рыжий и веснушчатый. — Где это?

— Это... в России, — Димон почувствовал, как его голос срывается в фальцет. — Это страна. Ну, вы знаете, Россия. Медведи, водка, балалайка. Вы что, никогда...

— Покажи метку, — перебил шрам.

— Метку? Какую метку?

— На левом запястье. Знак Ткани.

Димон закатал рукав худи. Чистая кожа. Ни шрамов, ни татуировок, ни символов. Патрульные снова переглянулись, но теперь иначе. Не удивлённо. Опасно.

— Нет метки, — сказал рыжий. — Быть не может.

— Иномирец, — выдохнул третий, молодой парень с прыщами. Он побледнел и отступил на шаг. — Таких тридцать лет не было. Мы должны...

— Молчать, — рявкнул шрам. Он вытащил меч. Лезвие блеснуло в свете факелов. — Ты. Иномирец. Ты знаешь, что по закону Андалоса мы имеем право...

— СТОЙТЕ!

Крик пролетел над площадью. Высокий, звонкий, женский.

Патрульные обернулись. Димон тоже.

Из переулка выбежала девушка. Лет двадцати с небольшим, худая, бледная. Волосы — длинные, тёмно-рыжие, почти ржавые — развевались за спиной. На ней был серый плащ, под которым угадывалось что-то кожаное. Глаза... Димон не сразу понял, что в глазах что-то не так. А потом увидел: вертикальные зрачки. Как у кошки.

— Он со мной, — сказала девушка, тяжело дыша. — Он мой... мой торговец. Из далёких земель. У него нет метки, потому что он не отсюда. Но он платит.

Шрам не убрал меч.

— Твой торговец, Элинора? — усмехнулся он. — С каких пор у тебя есть деньги на торговцев?

— С тех пор, как я продала твою тайну, Грегор, — девушка улыбнулась, но улыбка была ледяной. — Ту, про прошлый месяц. И ту, про прошлую неделю. Хочешь, чтобы я назвала их при твоих людях?

Рыжий попятился. Прыщавый уставился на шрама. Шрам — Грегор — медленно убрал меч.

— Уходи, — сказал он, не глядя на девушку. — Уводи своего... торговца. Но если я увижу его без метки ещё раз — ты полетишь на костёр вместе с ним.

Девушка схватила Димона за руку. Пальцы холодные, цепкие. Она потащила его в тёмный переулочек, под арку, мимо бочек с гниющей капустой и спящего пса.

Они бежали. Димон спотыкался, наступал в лужи, но не останавливался.

Через три поворота и две лестницы они влетели в какой-то подвал. Девушка захлопнула дверь и задвинула засов.

— Ты... — она прижалась спиной к стене и сползла на пол. — Ты кто, Ткань тебя раздери?

Димон сел рядом. Сердце колотилось где-то в горле. Телефон всё ещё был в руке. Он посмотрел на экран.

22:19.

Прошло пять минут.

— Я Димон, — сказал он хрипло. — Я из России. Я понятия не имею, где я и что происходит. Но мне кажется... мне кажется, я не сплю.

Девушка посмотрела на него. Вертикальные зрачки расширились.

— Ты прав, — сказала она. — Не спишь. Добро пожаловать в Андалос. Мир, где магия жрёт тебя изнутри, инквизиция жрёт всех подряд, а ты, парень... ты труп без метки.

Она выдохнула и закрыла глаза.

— Меня зовут Элинор. И я только что спасла твою никчёмную жизнь.

Глава 1. У ведьмы в лачуге

Подвал пах мышами, сушёными травами и чем-то кислым.

Димон сидел на соломенном тюфяке, привалившись спиной к каменной стене. Кеды он снял — сушить. Носки выжал. Телефон положил рядом, но экран больше не включал — берёт зарядку.

Элинор сидела напротив, на перевёрнутом ящике. Она разжигала маленький очаг щелчком пальцев.

Щелчок — и из ниоткуда вспыхнул огонь.

Димон моргнул.

— Это фокус, — сказал он. — В рукаве зажигалка или магний. Я такое в интернете видел.

Элинор подняла бровь. Сделала ещё один щелчок — над её ладонью заплясал синий огонёк, маленький, размером с монету.

— Трогай, — сказала она.

Димон протянул палец. Огонёк был горячим. Настоящим. И он не жёг — ровно на границе боли и тепла.

— Это магия, — сказала Элинор. — Всамделишная. Не фокус, не трюк. Я ведьма. И если ты сейчас завизжишь и выбежишь на улицу, тебя схватит инквизиция и сожжёт за компанию со мной. Понял?

Димон убрал палец.

— Понял, — сказал он. — Дай мне минуту.

Он закрыл глаза. Мысли метались как мухи в банке.

Вариант первый: я в коме. После пельменей — инфаркт, инсульт, всё дела. Лежу в реанимации, мозг рисует сказки.

Вариант второй: меня похитили. Какая-то очень дорогая и странная инсценировка. Но зачем? Я инженер-программист, а не президент.

Вариант третий: я правда в другом мире. С магией, ведьмами и патрулями с мечами.

Третий вариант был самым безумным. И самым вероятным.

— Хорошо, — он открыл глаза. — Допустим, я поверил. Объясни мне, как пятикласснику. Где я? Что за магия? И почему меня должны сжечь?

Элинор вздохнула. Она взяла с полки глиняную кружку, налила из кувшина какую-то бурду и протянула Димону.

— Пей. Это не яд, просто травяное дерьмо. Вкуса нет, зато согревает.

Димон сделал глоток. Вкуса действительно не было. Зато по телу разлилось приятное тепло.

— Ты в королевстве Андалос, — начала Элинор. — Мир называется тоже Андалос, лень было придумывать новое. Здесь есть магия. Она повсюду — в воздухе, в земле, в крови. Те, кто могут ею управлять, — маги. Те, кто не могут — просто люди. Инквизиция считает, что магия — это проклятие. Что она убивает. И её нужно уничтожить.

— А она убивает? — спросил Димон.

Элинор помолчала.

— Иногда, — сказала она тихо. — Если не контролировать. Если злиться слишком сильно. Если... если ты слаб.

Она поставила кружку и закатала левый рукав. Димон увидел шрамы — тонкие, аккуратные, похожие на вязь. Руны.

— Это метка, — пояснила она. — Её ставят в детстве, если в роду был маг. Она показывает уровень твоего дара. У тебя нет метки — значит, ты не отсюда. Иномирец. Последнего иномирца инквизиция сожгла тридцать лет назад. Прилюдно. Три дня он горел и не умирал.

Димон сглотнул.

— И как я сюда попал?

— Понятия не имею, — Элинор пожала плечами. — Может, разрыв Ткани. Может, Архитекторы шутят. Может, ты просто везучий идиот.

— А вылезти отсюда как?

— Никак.

Димон замер.

— Никак? Совсем?

— Портал? — Элинор усмехнулась. — Дорога домой? Нет, парень. Никто не знает, как попасть в другие миры. И никто не знает, как вернуться. Ты здесь навсегда.

Димон опустил голову. Пельмени. Сериал. Свой диван. Мама, которая звонит по воскресеньям и спрашивает, женился ли он уже.

Всё это осталось там. А здесь — вонь, грязь, вертикальные зрачки и страх.

— Не реви, — сказала Элинор, но голос её смягчился. — Я тоже не сразу привыкла.

— Ты тоже... — Димон поднял голову. — Ты тоже иномирка?

— Нет, — она покачала головой. — Но я была одна. Когда мать сожгли, когда меня объявили вне закона. Тоже думала, что это конец.

Она помолчала, потом встала и подошла к столу, на котором лежала карта — потрёпанная, с восковыми пометками.

— Есть один старик, — сказала она. — Альдрик. Он живёт в Забытой Башне в Гнилых горах. Он маг — древний, сильный, безумный. Если кто и знает про иномирцев — то он.

— Далеко?

— Две недели пешком. Если нас не убьют раньше.

Димон встал. Ноги всё ещё дрожали, но уже меньше.

— А что ты с этого получишь? — спросил он. — Зачем тебе тащиться через всю страну с каким-то непонятным мужиком?

Элинор посмотрела на него. Вертикальные зрачки сузились.

— Потому что инквизиторы видели тебя со мной. Теперь я тоже под подозрением. Моя лачуга — не убежище, а могила. А старик Альдрик может научить меня тому, что не знаю я. Тому, что не дала мне мать.

Она сунула карту в мешок и кинула Димону грязный, но сухой плащ.

— Надевай. Мы уходим на рассвете. До рассвета — три часа. Спи, если сможешь.

Димон накинул плащ. Солома кололась, стена была холодной, а в голове гудело.

Он лёг, закрыл глаза и прошептал в темноту:

— Я вернусь. Я придумаю, как вернуться. Я инженер, чёрт возьми.

Никто ему не ответил.

Только огонь в очаге тихо щёлкнул и погас.

Запах был первым.

Не тот чистый, стерильный запах офиса с кофемашиной и кондиционером. Не запах челябинского двора после дождя — бензин, мокрый асфальт, шашлыки с первого этажа.

Это был запах конского навоза, горелого жира и сырой земли.

Дмитрий Соболев открыл глаза. Над ним нависало небо — серое, низкое, с тучами, которые двигались слишком быстро для конца апреля. Он лежал в грязи. Лицом в луже.

— Бля, — выдохнул он, приподнимаясь на локтях.

Одежда промокла насквозь. Любимый худи с «42» — в глине. Кеды — в чём-то липком и зелёном. Во рту привкус крови и... солёных огурцов? Он помнил, что до этого было: пятница, десять вечера, пельмени с хреном, четвёртый сезон «Рика и Морти». Он как раз заснул на диване. И всё.

Никакого портала. Никакого сияния. Никаких призывающих кругов.

Просто — выключили свет, и ты в канаве.

— Димон, ты обдолбался, — сказал он себе, поднимаясь.

Ноги дрожали. Он огляделся.

Каменные стены. Высокие, метров восемь, сложенные из грубого серого камня, поросшего мхом. Ворота из чёрного дерева, обитые железом. Узкие окна-бойницы наверху. Факелы. Настоящие факелы — с дымом, копотью и жирным огнём.

Город. Он был внутри города. Или у стены. Грязь под ногами, сточные воды, вонь. Вдалеке — шум: скрип телег, крики торговцев, звон металла.

— Это декорации, — твёрдо сказал Димон. — Квест-рум. Самый дорогой в моей жизни.

Он потянулся к карману джинсов. Телефон. Живой. Экран треснут, но работает. Часы показывают 22:14, пятница. Связи нет. GPS не ловит. Зато зарядка — 73 процента. Он судорожно открыл камеру и снял видео.

«Димон, ты сейчас в каком-то говне. Если это сон — проснись. Если нет — это последняя запись. Я в городе, похожем на... ну, на Средневековье. Камни, факелы, воняет. Ни хера не понимаю. У меня...»

Он замолчал. Потому что из-за угла вышел патруль.

Трое. В кожаных доспехах, с мечами на поясах. На груди — серебряные значки: раскрытая ладонь с глазом в центре. У того, что шёл первым, лицо пересекал старый шрам от виска до подбородка.

— Стоять, — сказал шрам.

Голос низкий, спокойный. Привыкший к подчинению.

Димон замер. Потому что мечи были настоящими. Он видел ржавчину на одном клинке, потёки масла на другом. И глаза — у этих ребят не было глаз актёров в квест-руме. Это были глаза людей, которые убивают.

— Кто такой? — спросил шрам, приближаясь. — Имя, происхождение, метка.

— Я... э-э... — Димон сглотнул. — Дмитрий. Я из Челябинска. Это что за город?

Тишина. Патрульные переглянулись.

— Челябинск? — переспросил второй, рыжий и веснушчатый. — Где это?

— Это... в России, — Димон почувствовал, как его голос срывается в фальцет. — Это страна. Ну, вы знаете, Россия. Медведи, водка, балалайка. Вы что, никогда...

— Покажи метку, — перебил шрам.

— Метку? Какую метку?

— На левом запястье. Знак Ткани.

Димон закатал рукав худи. Чистая кожа. Ни шрамов, ни татуировок, ни символов. Патрульные снова переглянулись, но теперь иначе. Не удивлённо. Опасно.

— Нет метки, — сказал рыжий. — Быть не может.

— Иномирец, — выдохнул третий, молодой парень с прыщами. Он побледнел и отступил на шаг. — Таких тридцать лет не было. Мы должны...

— Молчать, — рявкнул шрам. Он вытащил меч. Лезвие блеснуло в свете факелов. — Ты. Иномирец. Ты знаешь, что по закону Андалоса мы имеем право...

— СТОЙТЕ!

Крик пролетел над площадью. Высокий, звонкий, женский.

Патрульные обернулись. Димон тоже.

Из переулка выбежала девушка. Лет двадцати с небольшим, худая, бледная. Волосы — длинные, тёмно-рыжие, почти ржавые — развевались за спиной. На ней был серый плащ, под которым угадывалось что-то кожаное. Глаза... Димон не сразу понял, что в глазах что-то не так. А потом увидел: вертикальные зрачки. Как у кошки.

— Он со мной, — сказала девушка, тяжело дыша. — Он мой... мой торговец. Из далёких земель. У него нет метки, потому что он не отсюда. Но он платит.

Шрам не убрал меч.

— Твой торговец, Элинор? — усмехнулся он. — С каких пор у тебя есть деньги на торговцев?

— С тех пор, как я продала твою тайну, Грегор, — девушка улыбнулась, но улыбка была ледяной. — Ту, про прошлый месяц. И ту, про прошлую неделю. Хочешь, чтобы я назвала их при твоих людях?

Рыжий попятился. Прыщавый уставился на шрама. Шрам — Грегор — медленно убрал меч.

— Уходи, — сказал он, не глядя на девушку. — Уводи своего... торговца. Но если я увижу его без метки ещё раз — ты полетишь на костёр вместе с ним.

Девушка схватила Димона за руку. Пальцы холодные, цепкие. Она потащила его в тёмный переулок, под арку, мимо бочек с гниющей капустой и спящего пса.

Они бежали. Димон спотыкался, наступал в лужи, но не останавливался.

Через три поворота и две лестницы они влетели в какой-то подвал. Девушка захлопнула дверь и задвинула засов.

— Ты... — она прижалась спиной к стене и сползла на пол. — Ты кто, Ткань тебя раздери?

Димон сел рядом. Сердце колотилось где-то в горле. Телефон всё ещё был в руке. Он посмотрел на экран.

22:19.

Прошло пять минут.

— Я Димон, — сказал он хрипло. — Я из России. Я понятия не имею, где я и что происходит. Но мне кажется... мне кажется, я не сплю.

Девушка посмотрела на него. Вертикальные зрачки расширились.

— Ты прав, — сказала она. — Не спишь. Добро пожаловать в Андалос. Мир, где магия жрёт тебя изнутри, инквизиция жрёт всех подряд, а ты, парень... ты труп без метки.

Она выдохнула и закрыла глаза.

— Меня зовут Элинон. И я только что спасла твою никчёмную жизнь.

Глава 1. У ведьмы в лачуге

Подвал пах мышами, сушёными травами и чем-то кислым.

Димон сидел на соломенном тюфяке, привалившись спиной к каменной стене. Кеды он снял — сушить. Носки выжал. Телефон положил рядом, но экран больше не включал — берёт зарядку.

Элинон сидела напротив, на перевернутом ящике. Она разжигала маленький очаг щелчком пальцев.

Щелчок — и из ниоткуда вспыхнул огонь.

Димон моргнул.

— Это фокус, — сказал он. — В рукаве зажигалка или магний. Я такое в интернете видел.

Элинон подняла бровь. Сделала ещё один щелчок — над её ладонью заплясал синий огонёк, маленький, размером с монету.

— Трогай, — сказала она.

Димон протянул палец. Огонёк был горячим. Настоящим. И он не жёг — ровно на границе боли и тепла.

— Это магия, — сказала Элинор. — Всамделишная. Не фокус, не трюк. Я ведьма. И если ты сейчас завизжишь и убежишь на улицу, тебя схватит инквизиция и сожжёт за компанию со мной. Понял?

Димон убрал палец.

— Понял, — сказал он. — Дай мне минуту.

Он закрыл глаза. Мысли метались как мухи в банке.

Вариант первый: я в коме. После пельменей — инфаркт, инсульт, всё дела. Лежу в реанимации, мозг рисует сказки.

Вариант второй: меня похитили. Какая-то очень дорогая и странная инсценировка. Но зачем? Я инженер-программист, а не президент.

Вариант третий: я правда в другом мире. С магией, ведьмами и патрулями с мечами.

Третий вариант был самым безумным. И самым вероятным.

— Хорошо, — он открыл глаза. — Допустим, я поверил. Объясни мне, как пятикласснику. Где я? Что за магия? И почему меня должны сжечь?

Элинор вздохнула. Она взяла с полки глиняную кружку, налила из кувшина какую-то бурду и протянула Димону.

— Пей. Это не яд, просто травяное дерьмо. Вкуса нет, зато согревает.

Димон сделал глоток. Вкуса действительно не было. Зато по телу разлилось приятное тепло.

— Ты в королевстве Андалос, — начала Элинор. — Мир называется тоже Андалос, лень было придумывать новое. Здесь есть магия. Она повсюду — в воздухе, в земле, в крови. Те, кто могут ею управлять, — маги. Те, кто не могут — просто люди. Инквизиция считает, что магия — это проклятие. Что она убивает. И её нужно уничтожить.

— А она убивает? — спросил Димон.

Элинор помолчала.

— Иногда, — сказала она тихо. — Если не контролировать. Если злиться слишком сильно. Если... если ты слаб.

Она поставила кружку и закатала левый рукав. Димон увидел шрамы — тонкие, аккуратные, похожие на вязь. Руны.

— Это метка, — пояснила она. — Её ставят в детстве, если в роду был маг. Она показывает уровень твоего дара. У тебя нет метки — значит, ты не отсюда. Иномирец. Последнего иномирца инквизиция сожгла тридцать лет назад. Прилюдно. Три дня он горел и не умирал.

Димон сглотнул.

— И как я сюда попал?

— Понятия не имею, — Элинор пожала плечами. — Может, разрыв Ткани. Может, Архитекторы шутят. Может, ты просто везучий идиот.

— А вылезти отсюда как?

— Никак.

Димон замер.

— Никак? Совсем?

— Портал? — Элинор усмехнулась. — Дорога домой? Нет, парень. Никто не знает, как попасть в другие миры. И никто не знает, как вернуться. Ты здесь навсегда.

Димон опустил голову. Пельмени. Сериал. Свой диван. Мама, которая звонит по воскресеньям и спрашивает, женился ли он уже.

Всё это осталось там. А здесь — вонь, грязь, вертикальные зрачки и страх.

— Не реви, — сказала Элинор, но голос её смягчился. — Я тоже не сразу привыкла.

— Ты тоже... — Димон поднял голову. — Ты тоже иномирка?

— Нет, — она покачала головой. — Но я была одна. Когда мать сожгли, когда меня объявили вне закона. Тоже думала, что это конец.

Она помолчала, потом встала и подошла к столу, на котором лежала карта — потрёпанная, с восковыми пометками.

— Есть один старик, — сказала она. — Альдрик. Он живёт в Забытой Башне в Гнилых горах. Он маг — древний, сильный, безумный. Если кто и знает про иномирцев — то он.

— Далеко?

— Две недели пешком. Если нас не убьют раньше.

Димон встал. Ноги всё ещё дрожали, но уже меньше.

— А что ты с этого получишь? — спросил он. — Зачем тебе тащиться через всю страну с каким-то непонятным мужиком?

Элинор посмотрела на него. Вертикальные зрачки сузились.

— Потому что инквизиторы видели тебя со мной. Теперь я тоже под подозрением. Моя лачуга — не убежище, а могила. А старик Альдрик может научить меня тому, что не знаю я. Тому, что не дала мне мать.

Она сунула карту в мешок и кинула Димону грязный, но сухой плащ.

— Надевай. Мы уходим на рассвете. До рассвета — три часа. Спи, если сможешь.

Димон накинул плащ. Солома колосась, стена была холодной, а в голове гудело.

Он лёг, закрыл глаза и прошептал в темноту:

— Я вернусь. Я придумаю, как вернуться. Я инженер, чёрт возьми.

Никто ему не ответил.

Только огонь в очаге тихо щёлкнул и погас.

Глава 1. У ведьмы в лачуге

Подвал пах мышами, сушёными травами и чем-то кислым.

Димон сидел на соломенном тюфяке, привалившись спиной к каменной стене. Кеды он снял — сушить. Носки выжал. Телефон положил рядом, но экран больше не включал — берёт зарядку.

Элинор сидела напротив, на перевернутом ящике. Она разжигала маленький очаг щелчком пальцев.

Щелчок — и из ниоткуда вспыхнул огонь.

Димон моргнул.

— Это фокус, — сказал он. — В рукаве зажигалка или магний. Я такое в интернете видел.

Элинор подняла бровь. Сделала ещё один щелчок — над её ладонью заплясал синий огонёк, маленький, размером с монету.

— Трогай, — сказала она.

Димон протянул палец. Огонёк был горячим. Настоящим. И он не жёг — ровно на границе боли и тепла.

— Это магия, — сказала Элинор. — Всамделишная. Не фокус, не трюк. Я ведьма. И если ты сейчас завизжишь и выбежишь на улицу, тебя схватит инквизиция и сожжёт за компанию со мной. Понял?

Димон убрал палец.

— Понял, — сказал он. — Дай мне минуту.

Он закрыл глаза. Мысли метались как мухи в банке.

Вариант первый: я в коме. После пельменей — инфаркт, инсульт, всё дела. Лежу в реанимации, мозг рисует сказки.

Вариант второй: меня похитили. Какая-то очень дорогая и странная инсценировка. Но зачем? Я инженер-программист, а не президент.

Вариант третий: я правда в другом мире. С магией, ведьмами и патрулями с мечами.

Третий вариант был самым безумным. И самым вероятным.

— Хорошо, — он открыл глаза. — Допустим, я поверил. Объясни мне, как пятикласснику. Где я? Что за магия? И почему меня должны сжечь?

Элинор вздохнула. Она взяла с полки глиняную кружку, налила из кувшина какую-то бурду и протянула Димону.

— Пей. Это не яд, просто травяное дерьмо. Вкуса нет, зато согревает.

Димон сделал глоток. Вкуса действительно не было. Зато по телу разлилось приятное тепло.

— Ты в королевстве Андалос, — начала Элинор. — Мир называется тоже Андалос, лень было придумывать новое. Здесь есть магия. Она повсюду — в воздухе, в земле, в крови. Те, кто могут ею управлять, — маги. Те, кто не могут — просто люди. Инквизиция считает, что магия — это проклятие. Что она убивает. И её нужно уничтожить.

— А она убивает? — спросил Димон.

Элинор помолчала.

— Иногда, — сказала она тихо. — Если не контролировать. Если злиться слишком сильно. Если... если ты слаб.

Она поставила кружку и закатала левый рукав. Димон увидел шрамы — тонкие, аккуратные, похожие на вязь. Руны.

— Это метка, — пояснила она. — Её ставят в детстве, если в роду был маг. Она показывает уровень твоего дара. У тебя нет метки — значит, ты не отсюда. Иномирец. Последнего иномирца инквизиция сожгла тридцать лет назад. Прилюдно. Три дня он горел и не умирал.

Димон сглотнул.

— И как я сюда попал?

— Понятия не имею, — Элинор пожала плечами. — Может, разрыв Ткани. Может, Архитекторы шутят. Может, ты просто везучий идиот.

— А вылезти отсюда как?

— Никак.

Димон замер.

— Никак? Совсем?

— Портал? — Элинор усмехнулась. — Дорога домой? Нет, парень. Никто не знает, как попасть в другие миры. И никто не знает, как вернуться. Ты здесь навсегда.

Димон опустил голову. Пельмени. Сериал. Свой диван. Мама, которая звонит по воскресеньям и спрашивает, женился ли он уже.

Всё это осталось там. А здесь — вонь, грязь, вертикальные зрачки и страх.

— Не реви, — сказала Элинор, но голос её смягчился. — Я тоже не сразу привыкла.

— Ты тоже... — Димон поднял голову. — Ты тоже иномирка?

— Нет, — она покачала головой. — Но я была одна. Когда мать сожгли, когда меня объявили вне закона. Тоже думала, что это конец.

Она помолчала, потом встала и подошла к столу, на котором лежала карта — потрёпанная, с восковыми пометками.

— Есть один старик, — сказала она. — Альдрик. Он живёт в Забытой Башне в Гнилых горах. Он маг — древний, сильный, безумный. Если кто и знает про иномирцев — то он.

— Далеко?

— Две недели пешком. Если нас не убьют раньше.

Димон встал. Ноги всё ещё дрожали, но уже меньше.

— А что ты с этого получишь? — спросил он. — Зачем тебе тащиться через всю страну с каким-то непонятным мужиком?

Элинор посмотрела на него. Вертикальные зрачки сузились.

— Потому что инквизиторы видели тебя со мной. Теперь я тоже под подозрением. Моя лачуга — не убежище, а могила. А старик Альдрик может научить меня тому, что не знаю я. Тому, что не дала мне мать.

Она сунула карту в мешок и кинула Димону грязный, но сухой плащ.

— Надевай. Мы уходим на рассвете. До рассвета — три часа. Спи, если сможешь.

Димон накинул плащ. Солома кололась, стена была холодной, а в голове гудело.

Он лёг, закрыл глаза и прошептал в темноту:

— Я вернусь. Я придумаю, как вернуться. Я инженер, чёрт возьми.

Никто ему не ответил.

Только огонь в очаге тихо щёлкнул и погас.

Запах был первым.

Не тот чистый, стерильный запах офиса с кофемашиной и кондиционером. Не запах челябинского двора после дождя — бензин, мокрый асфальт, шашлыки с первого этажа.

Это был запах конского навоза, горелого жира и сырой земли.

Дмитрий Соболев открыл глаза. Над ним нависало небо — серое, низкое, с тучами, которые двигались слишком быстро для конца апреля. Он лежал в грязи. Лицом в луже.

— Бля, — выдохнул он, приподнимаясь на локтях.

Одежда промокла насквозь. Любимый худи с «42» — в глине. Кеды — в чём-то липком и зелёном. Во рту привкус крови и... солёных огурцов? Он помнил, что до этого было: пятница, десять вечера, пельмени с хреном, четвёртый сезон «Рика и Морти». Он как раз заснул на диване. И всё.

Никакого портала. Никакого сияния. Никаких призывающих кругов.

Просто — выключили свет, и ты в канаве.

— Димон, ты обдолбался, — сказал он себе, поднимаясь.

Ноги дрожали. Он огляделся.

Каменные стены. Высокие, метров восемь, сложенные из грубого серого камня, поросшего мхом. Ворота из чёрного дерева, обитые железом. Узкие окна-бойницы наверху. Факелы. Настоящие факелы — с дымом, копотью и жирным огнём.

Город. Он был внутри города. Или у стены. Грязь под ногами, сточные воды, вонь. Вдалеке — шум: скрип телег, крики торговцев, звон металла.

— Это декорации, — твёрдо сказал Димон. — Квест-рум. Самый дорогой в моей жизни.

Он потянулся к карману джинсов. Телефон. Живой. Экран треснут, но работает. Часы показывают 22:14, пятница. Связи нет. GPS не ловит. Зато зарядка — 73 процента. Он судорожно открыл камеру и снял видео.

«Димон, ты сейчас в каком-то говне. Если это сон — проснись. Если нет — это последняя запись. Я в городе, похожем на... ну, на Средневековье. Камни, факелы, воняет. Ни хера не понимаю. У меня...»

Он замолчал. Потому что из-за угла вышел патруль.

Трое. В кожаных доспехах, с мечами на поясах. На груди — серебряные значки: раскрытая ладонь с глазом в центре. У того, что шёл первым, лицо пересекал старый шрам от виска до подбородка.

— Стоять, — сказал шрам.

Голос низкий, спокойный. Привыкший к подчинению.

Димон замер. Потому что мечи были настоящими. Он видел ржавчину на одном клинке, потёки масла на другом. И глаза — у этих ребят не было глаз актёров в квест-руме. Это были глаза людей, которые убивают.

— Кто такой? — спросил шрам, приближаясь. — Имя, происхождение, метка.

— Я... э-э... — Димон сглотнул. — Дмитрий. Я из Челябинска. Это что за город?

Тишина. Патрульные переглянулись.

— Челябинск? — переспросил второй, рыжий и веснушчатый. — Где это?

— Это... в России, — Димон почувствовал, как его голос срывается в фальцет. — Это страна. Ну, вы знаете, Россия. Медведи, водка, балалайка. Вы что, никогда...

— Покажи метку, — перебил шрам.

— Метку? Какую метку?

— На левом запястье. Знак Ткани.

Димон закатал рукав худи. Чистая кожа. Ни шрамов, ни татуировок, ни символов. Патрульные снова переглянулись, но теперь иначе. Не удивлённо. Опасно.

— Нет метки, — сказал рыжий. — Быть не может.

— Иномирец, — выдохнул третий, молодой парень с прыщами. Он побледнел и отступил на шаг. — Таких тридцать лет не было. Мы должны...

— Молчать, — рявкнул шрам. Он вытащил меч. Лезвие блеснуло в свете факелов. — Ты. Иномирец. Ты знаешь, что по закону Андалоса мы имеем право...

— СТОЙТЕ!

Крик пролетел над площадью. Высокий, звонкий, женский.

Патрульные обернулись. Димон тоже.

Из переулка выбежала девушка. Лет двадцати с небольшим, худая, бледная. Волосы — длинные, тёмно-рыжие, почти ржавые — развевались за спиной. На ней был серый плащ, под которым угадывалось что-то кожаное. Глаза... Димон не сразу понял, что в глазах что-то не так. А потом увидел: вертикальные зрачки. Как у кошки.

— Он со мной, — сказала девушка, тяжело дыша. — Он мой... мой торговец. Из далёких земель. У него нет метки, потому что он не отсюда. Но он платит.

Шрам не убрал меч.

— Твой торговец, Элинор? — усмехнулся он. — С каких пор у тебя есть деньги на торговцев?

— С тех пор, как я продала твою тайну, Грегор, — девушка улыбнулась, но улыбка была ледяной. — Ту, про прошлый месяц. И ту, про прошлую неделю. Хочешь, чтобы я назвала их при твоих людях?

Рыжий попятился. Прыщавый уставился на шрама. Шрам — Грегор — медленно убрал меч.

— Уходи, — сказал он, не глядя на девушку. — Уводи своего... торговца. Но если я увижу его без метки ещё раз — ты полетишь на костёр вместе с ним.

Девушка схватила Димона за руку. Пальцы холодные, цепкие. Она потащила его в тёмный переулок, под арку, мимо бочек с гниющей капустой и спящего пса.

Они бежали. Димон спотыкался, наступал в лужи, но не останавливался.

Через три поворота и две лестницы они влетели в какой-то подвал. Девушка захлопнула дверь и задвинула засов.

— Ты... — она прижалась спиной к стене и сползла на пол. — Ты кто, Ткань тебя раздери?

Димон сел рядом. Сердце колотилось где-то в горле. Телефон всё ещё был в руке. Он посмотрел на экран.

22:19.

Прошло пять минут.

— Я Димон, — сказал он хрипло. — Я из России. Я понятия не имею, где я и что происходит. Но мне кажется... мне кажется, я не сплю.

Девушка посмотрела на него. Вертикальные зрачки расширились.

— Ты прав, — сказала она. — Не спишь. Добро пожаловать в Андалос. Мир, где магия жрёт тебя изнутри, инквизиция жрёт всех подряд, а ты, парень... ты труп без метки.

Она выдохнула и закрыла глаза.

— Меня зовут Элинон. И я только что спасла твою никчёмную жизнь.

Глава 1. У ведьмы в лачуге

Подвал пах мышами, сушёными травами и чем-то кислым.

Димон сидел на соломенном тюфяке, привалившись спиной к каменной стене. Кеды он снял — сушить. Носки выжал. Телефон положил рядом, но экран больше не включал — берёт зарядку.

Элинон сидела напротив, на перевёрнутом ящике. Она разжигала маленький очаг щелчком пальцев.

Щелчок — и из ниоткуда вспыхнул огонь.

Димон моргнул.

— Это фокус, — сказал он. — В рукаве зажигалка или магний. Я такое в интернете видел.

Элинон подняла бровь. Сделала ещё один щелчок — над её ладонью заплясал синий огонёк, маленький, размером с монету.

— Трогай, — сказала она.

Димон протянул палец. Огонёк был горячим. Настоящим. И он не жёг — ровно на границе боли и тепла.

— Это магия, — сказала Элинон. — Всамделишная. Не фокус, не трюк. Я ведьма. И если ты сейчас завизжишь и убежишь на улицу, тебя схватит инквизиция и сожжёт за компанию со мной. Понял?

Димон убрал палец.

— Понял, — сказал он. — Дай мне минуту.

Он закрыл глаза. Мысли металась как мухи в банке.

Вариант первый: я в коме. После пельменей — инфаркт, инсульт, всё дела. Лежу в реанимации, мозг рисует сказки.

Вариант второй: меня похитили. Какая-то очень дорогая и странная инсценировка. Но зачем? Я инженер-программист, а не президент.

Вариант третий: я правда в другом мире. С магией, ведьмами и патрулями с мечами.

Третий вариант был самым безумным. И самым вероятным.

— Хорошо, — он открыл глаза. — Допустим, я поверил. Объясни мне, как пятикласснику. Где я? Что за магия? И почему меня должны сжечь?

Элинор вздохнула. Она взяла с полки глиняную кружку, налила из кувшина какую-то бурду и протянула Димону.

— Пей. Это не яд, просто травяное дерьмо. Вкуса нет, зато согревает.

Димон сделал глоток. Вкуса действительно не было. Зато по телу разлилось приятное тепло.

— Ты в королевстве Андалос, — начала Элинор. — Мир называется тоже Андалос, лень было придумывать новое. Здесь есть магия. Она повсюду — в воздухе, в земле, в крови. Те, кто могут ею управлять, — маги. Те, кто не могут — просто люди. Инквизиция считает, что магия — это проклятие. Что она убивает. И её нужно уничтожить.

— А она убивает? — спросил Димон.

Элинор помолчала.

— Иногда, — сказала она тихо. — Если не контролировать. Если злиться слишком сильно. Если... если ты слаб.

Она поставила кружку и закатала левый рукав. Димон увидел шрамы — тонкие, аккуратные, похожие на вязь. Руны.

— Это метка, — пояснила она. — Её ставят в детстве, если в роду был маг. Она показывает уровень твоего дара. У тебя нет метки — значит, ты не отсюда. Иномирец. Последнего иномирца инквизиция сожгла тридцать лет назад. Прилюдно. Три дня он горел и не умирал.

Димон сглотнул.

— И как я сюда попал?

— Понятия не имею, — Элинор пожала плечами. — Может, разрыв Ткани. Может, Архитекторы шутят. Может, ты просто везучий идиот.

— А вылезти отсюда как?

— Никак.

Димон замер.

— Никак? Совсем?

— Портал? — Элинон усмехнулась. — Дорога домой? Нет, парень. Никто не знает, как попасть в другие миры. И никто не знает, как вернуться. Ты здесь навсегда.

Димон опустил голову. Пельмени. Сериал. Свой диван. Мама, которая звонит по воскресеньям и спрашивает, женился ли он уже.

Всё это осталось там. А здесь — вонь, грязь, вертикальные зрачки и страх.

— Не реви, — сказала Элинон, но голос её смягчился. — Я тоже не сразу привыкла.

— Ты тоже... — Димон поднял голову. — Ты тоже иномирка?

— Нет, — она покачала головой. — Но я была одна. Когда мать сожгли, когда меня объявили вне закона. Тоже думала, что это конец.

Она помолчала, потом встала и подошла к столу, на котором лежала карта — потрёпанная, с восковыми пометками.

— Есть один старик, — сказала она. — Альдрик. Он живёт в Забытой Башне в Гнилых горах. Он маг — древний, сильный, безумный. Если кто и знает про иномирцев — то он.

— Далеко?

— Две недели пешком. Если нас не убьют раньше.

Димон встал. Ноги всё ещё дрожали, но уже меньше.

— А что ты с этого получишь? — спросил он. — Зачем тебе тащиться через всю страну с каким-то непонятным мужиком?

Элинон посмотрела на него. Вертикальные зрачки сузились.

— Потому что инквизиторы видели тебя со мной. Теперь я тоже под подозрением. Моя лачуга — не убежище, а могила. А старик Альдрик может научить меня тому, что не знаю я. Тому, что не дала мне мать.

Она сунула карту в мешок и кинула Димону грязный, но сухой плащ.

— Надевай. Мы уходим на рассвете. До рассвета — три часа. Спи, если сможешь.

Димон накинул плащ. Солома кололась, стена была холодной, а в голове гудело.

Он лёг, закрыл глаза и прошептал в темноту:

— Я вернусь. Я придумаю, как вернуться. Я инженер, чёрт возьми.

Никто ему не ответил.

Только огонь в очаге тихо щёлкнул и погас.

Запах был первым.

Не тот чистый, стерильный запах офиса с кофемашиной и кондиционером. Не запах челябинского двора после дождя — бензин, мокрый асфальт, шашлыки с первого этажа.

Это был запах конского навоза, горелого жира и сырой земли.

Дмитрий Соболев открыл глаза. Над ним нависало небо — серое, низкое, с тучами, которые двигались слишком быстро для конца апреля. Он лежал в грязи. Лицом в луже.

— Бля, — выдохнул он, приподнимаясь на локтях.

Одежда промокла насквозь. Любимый худи с «42» — в глине. Кеды — в чём-то липком и зелёном. Во рту привкус крови и... солёных огурцов? Он помнил, что до этого было: пятница, десять вечера, пельмени с хреном, четвёртый сезон «Рика и Морти». Он как раз заснул на диване. И всё.

Никакого портала. Никакого сияния. Никаких призывающих кругов.

Просто — выключили свет, и ты в канаве.

— Димон, ты обдолбался, — сказал он себе, поднимаясь.

Ноги дрожали. Он огляделся.

Каменные стены. Высокие, метров восемь, сложенные из грубого серого камня, поросшего мхом. Ворота из чёрного дерева, обитые железом. Узкие окна-бойницы наверху. Факелы. Настоящие факелы — с дымом, копотью и жирным огнём.

Город. Он был внутри города. Или у стены. Грязь под ногами, сточные воды, вонь. Вдалеке — шум: скрип телег, крики торговцев, звон металла.

— Это декорации, — твёрдо сказал Димон. — Квест-рум. Самый дорогой в моей жизни.

Он потянулся к карману джинсов. Телефон. Живой. Экран треснут, но работает. Часы показывают 22:14, пятница. Связи нет. GPS не ловит. Зато зарядка — 73 процента. Он судорожно открыл камеру и снял видео.

«Димон, ты сейчас в каком-то говне. Если это сон — проснись. Если нет — это последняя запись. Я в городе, похожем на... ну, на Средневековье. Камни, факелы, воняет. Ни хера не понимаю. У меня...»

Он замолчал. Потому что из-за угла вышел патруль.

Трое. В кожаных доспехах, с мечами на поясах. На груди — серебряные значки: раскрытая ладонь с глазом в центре. У того, что шёл первым, лицо пересекал старый шрам от виска до подбородка.

— Стоять, — сказал шрам.

Голос низкий, спокойный. Привыкший к подчинению.

Димон замер. Потому что мечи были настоящими. Он видел ржавчину на одном клинке, потёки масла на другом. И глаза — у этих ребят не было глаз актёров в квест-руме. Это были глаза людей, которые убивают.

— Кто такой? — спросил шрам, приближаясь. — Имя, происхождение, метка.

— Я... э-э... — Димон сглотнул. — Дмитрий. Я из Челябинска. Это что за город?

Тишина. Патрульные переглянулись.

— Челябинск? — переспросил второй, рыжий и веснушчатый. — Где это?

— Это... в России, — Димон почувствовал, как его голос срывается в фальцет. — Это страна. Ну, вы знаете, Россия. Медведи, водка, балалайка. Вы что, никогда...

— Покажи метку, — перебил шрам.

— Метку? Какую метку?

— На левом запястье. Знак Ткани.

Димон закатал рукав худи. Чистая кожа. Ни шрамов, ни татуировок, ни символов. Патрульные снова переглянулись, но теперь иначе. Не удивлённо. Опасно.

— Нет метки, — сказал рыжий. — Быть не может.

— Иномирец, — выдохнул третий, молодой парень с прыщами. Он побледнел и отступил на шаг. — Таких тридцать лет не было. Мы должны...

— Молчать, — рявкнул шрам. Он вытащил меч. Лезвие блеснуло в свете факелов. — Ты. Иномирец. Ты знаешь, что по закону Андалоса мы имеем право...

— СТОЙТЕ!

Крик пролетел над площадью. Высокий, звонкий, женский.

Патрульные обернулись. Димон тоже.

Из переулка выбежала девушка. Лет двадцати с небольшим, худая, бледная. Волосы — длинные, тёмно-рыжие, почти ржавые — развевались за спиной. На ней был серый плащ, под

которым угадывалось что-то кожаное. Глаза... Димон не сразу понял, что в глазах что-то не так. А потом увидел: вертикальные зрачки. Как у кошки.

— Он со мной, — сказала девушка, тяжело дыша. — Он мой... мой торговец. Из далёких земель. У него нет метки, потому что он не отсюда. Но он платит.

Шрам не убрал меч.

— Твой торговец, Элинон? — усмехнулся он. — С каких пор у тебя есть деньги на торговцев?

— С тех пор, как я продала твою тайну, Грегор, — девушка улыбнулась, но улыбка была ледяной. — Ту, про прошлый месяц. И ту, про прошлую неделю. Хочешь, чтобы я назвала их при твоих людях?

Рыжий попятился. Прыщавый уставился на шрама. Шрам — Грегор — медленно убрал меч.

— Уходи, — сказал он, не глядя на девушку. — Уводи своего... торговца. Но если я увижу его без метки ещё раз — ты полетишь на костёр вместе с ним.

Девушка схватила Димона за руку. Пальцы холодные, цепкие. Она потащила его в тёмный переулок, под арку, мимо бочек с гниющей капустой и спящего пса.

Они бежали. Димон спотыкался, наступал в лужи, но не останавливался.

Через три поворота и две лестницы они влетели в какой-то подвал. Девушка захлопнула дверь и задвинула засов.

— Ты... — она прижалась спиной к стене и сползла на пол. — Ты кто, Ткань тебя раздери?

Димон сел рядом. Сердце колотилось где-то в горле. Телефон всё ещё был в руке. Он посмотрел на экран.

22:19.

Прошло пять минут.

— Я Димон, — сказал он хрипло. — Я из России. Я понятия не имею, где я и что происходит. Но мне кажется... мне кажется, я не сплю.

Девушка посмотрела на него. Вертикальные зрачки расширились.

— Ты прав, — сказала она. — Не спишь. Добро пожаловать в Андалос. Мир, где магия жрёт тебя изнутри, инквизиция жрёт всех подряд, а ты, парень... ты труп без метки.

Она выдохнула и закрыла глаза.

— Меня зовут Элинон. И я только что спасла твою никчёмную жизнь.

Глава 1. У ведьмы в лачуге

Подвал пах мышами, сушёными травами и чем-то кислым.

Димон сидел на соломенном тюфяке, привалившись спиной к каменной стене. Кеды он снял — сушить. Носки выжал. Телефон положил рядом, но экран больше не включал — берёт зарядку.

Элинор сидела напротив, на перевернутом ящике. Она разжигала маленький очаг щелчком пальцев.

Щелчок — и из ниоткуда вспыхнул огонь.

Димон моргнул.

— Это фокус, — сказал он. — В рукаве зажигалка или магний. Я такое в интернете видел.

Элинор подняла бровь. Сделала ещё один щелчок — над её ладонью заплясал синий огонёк, маленький, размером с монету.

— Трогай, — сказала она.

Димон протянул палец. Огонёк был горячим. Настоящим. И он не жёг — ровно на границе боли и тепла.

— Это магия, — сказала Элинор. — Всамделишная. Не фокус, не трюк. Я ведьма. И если ты сейчас завизжишь и убежишь на улицу, тебя схватит инквизиция и сожжёт за компанию со мной. Понял?

Димон убрал палец.

— Понял, — сказал он. — Дай мне минуту.

Он закрыл глаза. Мысли метались как мухи в банке.

Вариант первый: я в коме. После пельменей — инфаркт, инсульт, всё дела. Лежу в реанимации, мозг рисует сказки.

Вариант второй: меня похитили. Какая-то очень дорогая и странная инсценировка. Но зачем? Я инженер-программист, а не президент.

Вариант третий: я правда в другом мире. С магией, ведьмами и патрулями с мечами.

Третий вариант был самым безумным. И самым вероятным.

— Хорошо, — он открыл глаза. — Допустим, я поверил. Объясни мне, как пятикласснику. Где я? Что за магия? И почему меня должны сжечь?

Элинор вздохнула. Она взяла с полки глиняную кружку, налила из кувшина какую-то бурду и протянула Димону.

— Пей. Это не яд, просто травяное дерьмо. Вкуса нет, зато согревает.

Димон сделал глоток. Вкуса действительно не было. Зато по телу разлилось приятное тепло.

— Ты в королевстве Андалос, — начала Элинор. — Мир называется тоже Андалос, лень было придумывать новое. Здесь есть магия. Она повсюду — в воздухе, в земле, в крови. Те, кто могут ею управлять, — маги. Те, кто не могут — просто люди. Инквизиция считает, что магия — это проклятие. Что она убивает. И её нужно уничтожить.

— А она убивает? — спросил Димон.

Элинор помолчала.

— Иногда, — сказала она тихо. — Если не контролировать. Если злиться слишком сильно. Если... если ты слаб.

Она поставила кружку и закатала левый рукав. Димон увидел шрамы — тонкие, аккуратные, похожие на вязь. Руны.

— Это метка, — пояснила она. — Её ставят в детстве, если в роду был маг. Она показывает уровень твоего дара. У тебя нет метки — значит, ты не отсюда. Иномирец. Последнего иномирца инквизиция сожгла тридцать лет назад. Прилюдно. Три дня он горел и не умирал.

Димон сглотнул.

— И как я сюда попал?

— Понятия не имею, — Элинор пожала плечами. — Может, разрыв Ткани. Может, Архитекторы шутят. Может, ты просто везучий идиот.

— А вылезти отсюда как?

— Никак.

Димон замер.

— Никак? Совсем?

— Портал? — Элинор усмехнулась. — Дорога домой? Нет, парень. Никто не знает, как попасть в другие миры. И никто не знает, как вернуться. Ты здесь навсегда.

Димон опустил голову. Пельмени. Сериал. Свой диван. Мама, которая звонит по воскресеньям и спрашивает, женился ли он уже.

Всё это осталось там. А здесь — вонь, грязь, вертикальные зрачки и страх.

— Не реви, — сказала Элино́р, но голос её смягчился. — Я тоже не сразу привыкла.

— Ты тоже... — Димон поднял голову. — Ты тоже иномирка?

— Нет, — она покачала головой. — Но я была одна. Когда мать сожгли, когда меня объявили вне закона. Тоже думала, что это конец.

Она помолчала, потом встала и подошла к столу, на котором лежала карта — потрёпанная, с восковыми пометками.

— Есть один старик, — сказала она. — Альдрик. Он живёт в Забытой Башне в Гнилых горах. Он маг — древний, сильный, безумный. Если кто и знает про иномирцев — то он.

— Далеко?

— Две недели пешком. Если нас не убьют раньше.

Димон встал. Ноги всё ещё дрожали, но уже меньше.

— А что ты с этого получишь? — спросил он. — Зачем тебе тащиться через всю страну с каким-то непонятным мужиком?

Элино́р посмотрела на него. Вертикальные зрачки сузились.

— Потому что инквизиторы видели тебя со мной. Теперь я тоже под подозрением. Моя лачуга — не убежище, а могила. А старик Альдрик может научить меня тому, что не знаю я. Тому, что не дала мне мать.

Она сунула карту в мешок и кинула Димону грязный, но сухой плащ.

— Надевай. Мы уходим на рассвете. До рассвета — три часа. Спи, если сможешь.

Димон накинул плащ. Солома колосась, стена была холодной, а в голове гудело.

Он лёг, закрыл глаза и прошептал в темноту:

— Я вернусь. Я придумаю, как вернуться. Я инженер, чёрт возьми.

Никто ему не ответил.

Только огонь в очаге тихо щёлкнул и погас.

Запах был первым.

Не тот чистый, стерильный запах офиса с кофемашиной и кондиционером. Не запах челябинского двора после дождя — бензин, мокрый асфальт, шашлыки с первого этажа.

Это был запах конского навоза, горелого жира и сырой земли.

Дмитрий Соболев открыл глаза. Над ним нависало небо — серое, низкое, с тучами, которые двигались слишком быстро для конца апреля. Он лежал в грязи. Лицом в луже.

— Бля, — выдохнул он, приподнимаясь на локтях.

Одежда промокла насквозь. Любимый худи с «42» — в глине. Кеды — в чём-то липком и зелёном. Во рту привкус крови и... солёных огурцов? Он помнил, что до этого было: пятница, десять вечера, пельмени с хреном, четвёртый сезон «Рика и Морти». Он как раз заснул на диване. И всё.

Никакого портала. Никакого сияния. Никаких призывающих кругов.

Просто — выключили свет, и ты в канаве.

— Димон, ты обдолбался, — сказал он себе, поднимаясь.

Ноги дрожали. Он огляделся.

Каменные стены. Высокие, метров восемь, сложенные из грубого серого камня, поросшего мхом. Ворота из чёрного дерева, обитые железом. Узкие окна-бойницы наверху. Факелы. Настоящие факелы — с дымом, копотью и жирным огнём.

Город. Он был внутри города. Или у стены. Грязь под ногами, сточные воды, вонь. Вдалеке — шум: скрип телег, крики торговцев, звон металла.

— Это декорации, — твёрдо сказал Димон. — Квест-рум. Самый дорогой в моей жизни.

Он потянулся к карману джинсов. Телефон. Живой. Экран треснут, но работает. Часы показывают 22:14, пятница. Связи нет. GPS не ловит. Зато зарядка — 73 процента. Он судорожно открыл камеру и снял видео.

«Димон, ты сейчас в каком-то говне. Если это сон — проснись. Если нет — это последняя запись. Я в городе, похожем на... ну, на Средневековье. Камни, факелы, воняет. Ни хера не понимаю. У меня...»

Он замолчал. Потому что из-за угла вышел патруль.

Трое. В кожаных доспехах, с мечами на поясах. На груди — серебряные значки: раскрытая ладонь с глазом в центре. У того, что шёл первым, лицо пересекал старый шрам от виска до подбородка.

— Стоять, — сказал шрам.

Голос низкий, спокойный. Привыкший к подчинению.

Димон замер. Потому что мечи были настоящими. Он видел ржавчину на одном клинке, потёки масла на другом. И глаза — у этих ребят не было глаз актёров в квест-руме. Это были глаза людей, которые убивают.

— Кто такой? — спросил шрам, приближаясь. — Имя, происхождение, метка.

— Я... э-э... — Димон сглотнул. — Дмитрий. Я из Челябинска. Это что за город?

Тишина. Патрульные переглянулись.

— Челябинск? — переспросил второй, рыжий и веснушчатый. — Где это?

— Это... в России, — Димон почувствовал, как его голос срывается в фальцет. — Это страна. Ну, вы знаете, Россия. Медведи, водка, балалайка. Вы что, никогда...

— Покажи метку, — перебил шрам.

— Метку? Какую метку?

— На левом запястье. Знак Ткани.

Димон закатал рукав худы. Чистая кожа. Ни шрамов, ни татуировок, ни символов. Патрульные снова переглянулись, но теперь иначе. Не удивлённо. Опасно.

— Нет метки, — сказал рыжий. — Быть не может.

— Иномирец, — выдохнул третий, молодой парень с прыщами. Он побледнел и отступил на шаг. — Таких тридцать лет не было. Мы должны...

— Молчать, — рявкнул шрам. Он вытащил меч. Лезвие блеснуло в свете факелов. — Ты. Иномирец. Ты знаешь, что по закону Андалоса мы имеем право...

— СТОЙТЕ!

Крик пролетел над площадью. Высокий, звонкий, женский.

Патрульные обернулись. Димон тоже.

Из переулка выбежала девушка. Лет двадцати с небольшим, худая, бледная. Волосы — длинные, тёмно-рыжие, почти ржавые — развевались за спиной. На ней был серый плащ, под которым угадывалось что-то кожаное. Глаза... Димон не сразу понял, что в глазах что-то не так. А потом увидел: вертикальные зрачки. Как у кошки.

— Он со мной, — сказала девушка, тяжело дыша. — Он мой... мой торговец. Из далёких земель. У него нет метки, потому что он не отсюда. Но он платит.

Шрам не убрал меч.

— Твой торговец, Элино́р? — усмехнулся он. — С каких пор у тебя есть деньги на торговцев?

— С тех пор, как я продала твою тайну, Грегор, — девушка улыбулась, но улыбка была ледяной. — Ту, про прошлый месяц. И ту, про прошлую неделю. Хочешь, чтобы я назвала их при твоих людях?

Рыжий попятился. Прыщавый уставился на шрама. Шрам — Грегор — медленно убрал меч.

— Уходи, — сказал он, не глядя на девушку. — Уводи своего... торговца. Но если я увижу его без метки ещё раз — ты полетишь на костёр вместе с ним.

Девушка схватила Димона за руку. Пальцы холодные, цепкие. Она потащила его в тёмный переулок, под арку, мимо бочек с гниющей капустой и спящего пса.

Они бежали. Димон спотыкался, наступал в лужи, но не останавливался.

Через три поворота и две лестницы они влетели в какой-то подвал. Девушка захлопнула дверь и задвинула засов.

— Ты... — она прижалась спиной к стене и сползла на пол. — Ты кто, Ткань тебя раздери?

Димон сел рядом. Сердце колотилось где-то в горле. Телефон всё ещё был в руке. Он посмотрел на экран.

22:19.

Прошло пять минут.

— Я Димон, — сказал он хрипло. — Я из России. Я понятия не имею, где я и что происходит. Но мне кажется... мне кажется, я не сплю.

Девушка посмотрела на него. Вертикальные зрачки расширились.

— Ты прав, — сказала она. — Не спишь. Добро пожаловать в Андалос. Мир, где магия жрёт тебя изнутри, инквизиция жрёт всех подряд, а ты, парень... ты труп без метки.

Она выдохнула и закрыла глаза.

— Меня зовут Элино́р. И я только что спасла твою никчёмную жизнь.

Глава 1. У ведьмы в лачуге

Подвал пах мышами, сушёными травами и чем-то кислым.

Димон сидел на соломенном тюфяке, привалившись спиной к каменной стене. Кеды он снял — сушить. Носки выжал. Телефон положил рядом, но экран больше не включал — берёт зарядку.

Элинор сидела напротив, на перевернутом ящике. Она разжигала маленький очаг щелчком пальцев.

Щелчок — и из ниоткуда вспыхнул огонь.

Димон моргнул.

— Это фокус, — сказал он. — В рукаве зажигалка или магний. Я такое в интернете видел.

Элинор подняла бровь. Сделала ещё один щелчок — над её ладонью заплясал синий огонёк, маленький, размером с монету.

— Трогай, — сказала она.

Димон протянул палец. Огонёк был горячим. Настоящим. И он не жёг — ровно на границе боли и тепла.

— Это магия, — сказала Элинор. — Всамделишная. Не фокус, не трюк. Я ведьма. И если ты сейчас завизжишь и выбежишь на улицу, тебя схватит инквизиция и сожжёт за компанию со мной. Понял?

Димон убрал палец.

— Понял, — сказал он. — Дай мне минуту.

Он закрыл глаза. Мысли метались как мухи в банке.

Вариант первый: я в коме. После пельменей — инфаркт, инсульт, всё дела. Лежу в реанимации, мозг рисует сказки.

Вариант второй: меня похитили. Какая-то очень дорогая и странная инсценировка. Но зачем? Я инженер-программист, а не президент.

Вариант третий: я правда в другом мире. С магией, ведьмами и патрулями с мечами.

Третий вариант был самым безумным. И самым вероятным.

— Хорошо, — он открыл глаза. — Допустим, я поверил. Объясни мне, как пятикласснику. Где я? Что за магия? И почему меня должны сжечь?

Элинор вздохнула. Она взяла с полки глиняную кружку, налила из кувшина какую-то бурду и протянула Димону.

— Пей. Это не яд, просто травяное дерьмо. Вкуса нет, зато согревает.

Димон сделал глоток. Вкуса действительно не было. Зато по телу разлилось приятное тепло.

— Ты в королевстве Андалос, — начала Элино́р. — Мир называется тоже Андалос, лень было придумывать новое. Здесь есть магия. Она повсюду — в воздухе, в земле, в крови. Те, кто могут ею управлять, — маги. Те, кто не могут — просто люди. Инквизиция считает, что магия — это проклятие. Что она убивает. И её нужно уничтожить.

— А она убивает? — спросил Димон.

Элино́р помолчала.

— Иногда, — сказала она тихо. — Если не контролировать. Если злиться слишком сильно. Если... если ты слаб.

Она поставила кружку и закатала левый рукав. Димон увидел шрамы — тонкие, аккуратные, похожие на вязь. Руны.

— Это метка, — пояснила она. — Её ставят в детстве, если в роду был маг. Она показывает уровень твоего дара. У тебя нет метки — значит, ты не отсюда. Иномирец. Последнего иномирца инквизиция сожгла тридцать лет назад. Прилюдно. Три дня он горел и не умирал.

Димон сглотнул.

— И как я сюда попал?

— Понятия не имею, — Элино́р пожала плечами. — Может, разрыв Ткани. Может, Архитекторы шутят. Может, ты просто везучий идиот.

— А вылезти отсюда как?

— Никак.

Димон замер.

— Никак? Совсем?

— Портал? — Элино́р усмехнулась. — Дорога домой? Нет, парень. Никто не знает, как попасть в другие миры. И никто не знает, как вернуться. Ты здесь навсегда.

Димон опустил голову. Пельмени. Сериал. Свой диван. Мама, которая звонит по воскресеньям и спрашивает, женился ли он уже.

Всё это осталось там. А здесь — вонь, грязь, вертикальные зрачки и страх.

— Не реви, — сказала Элино́р, но голос её смягчился. — Я тоже не сразу привыкла.

— Ты тоже... — Димон поднял голову. — Ты тоже иномирка?

— Нет, — она покачала головой. — Но я была одна. Когда мать сожгли, когда меня объявили вне закона. Тоже думала, что это конец.

Она помолчала, потом встала и подошла к столу, на котором лежала карта — потрёпанная, с восковыми пометками.

— Есть один старик, — сказала она. — Альдрик. Он живёт в Забытой Башне в Гнилых горах. Он маг — древний, сильный, безумный. Если кто и знает про иномирцев — то он.

— Далеко?

— Две недели пешком. Если нас не убьют раньше.

Димон встал. Ноги всё ещё дрожали, но уже меньше.

— А что ты с этого получишь? — спросил он. — Зачем тебе тащиться через всю страну с каким-то непонятным мужиком?

Элинор посмотрела на него. Вертикальные зрачки сузились.

— Потому что инквизиторы видели тебя со мной. Теперь я тоже под подозрением. Моя лачуга — не убежище, а могила. А старик Альдрик может научить меня тому, что не знаю я. Тому, что не дала мне мать.

Она сунула карту в мешок и кинула Димону грязный, но сухой плащ.

— Надевай. Мы уходим на рассвете. До рассвета — три часа. Спи, если сможешь.

Димон накинул плащ. Солома кололась, стена была холодной, а в голове гудело.

Он лёг, закрыл глаза и прошептал в темноту:

— Я вернусь. Я придумаю, как вернуться. Я инженер, чёрт возьми.

Никто ему не ответил.

Только огонь в очаге тихо щёлкнул и погас.

Глава 2

Глава 2. В которой Димон чинит насос и портит местную экономику

Проснулся он от того, что кто-то пинал его по ноге.

— Вставай, мешок с мясом. Рассвет.

Димон открыл глаза. Элинон стояла над ним, уже одетая, с мешком за плечами. Под глазом у неё красовался свежий синяк.

— Ты чего? — спросил Димон, садясь. Спина затекла, шея не поворачивалась, а во рту ощущение, будто там ночевала кошка и нагадила. — Кто тебя ударил?

— Никто. Я сама. В стену в темноте вписалась.

— Талант.

— Заткнись и жуй.

Она кинула ему кусок чёрствого хлеба и вяленое мясо, которое пахло чем-то средним между носком и благородной плесенью. Димон пожевал. Вкуса не было — язык решил объявить забастовку и уволиться.

— Лучшая еда в твоей жизни, — сказала Элинон, наблюдая за его лицом.

— Если это лучшая, то что тогда худшая?

— Съешь меня потом сам.

Димон поперхнулся.

— Это была шутка, — сказала она без улыбки. — Или нет. Не проверяй.

Они вышли на улицу. Грейвхолл при свете дня выглядел ещё хуже, чем ночью: серые стены, серые лица, серые лужи. Город напоминал Челябинск, только без улыбок и с меньшим количеством блестящих иномарок.

— Куда мы? — спросил Димон, натягивая капюшон.

— На рынок. Нужны припасы. И лошади.

— А деньги?

Элинон остановилась и вывернула карманы. Три медных монеты и засохший лист.

— Вот, — сказала она. — Наше богатство.

— И на что мы можем это потратить?

— На полголодной крысы и доброе слово.

Димон вздохнул. Почесал затылок. Огляделся.

И увидел его.

Насос.

Посреди площади стояло деревянное сооружение — что-то вроде колодца, но с рычагом и трубой, уходящей в землю. Рядом толпились люди с ведрами и ругались. Один мужик с бородой лопатой пинал насос ногой.

— Воды нет уже третью седмицу! — орал он. — Магию сюда! Пусть кто-нибудь поколдует!

— Нельзя, — ответила женщина в засаленном платке. — Инквизиторы увидят — сожгут.

— А без воды мы сдохнем! — заорал мужик.

Димон подошёл ближе. Посмотрел на рычаг. На трубу. На соединения.

— Элино, — позвал он. — Иди сюда.

— Что ты задумал?

— Я инженер. Дай мне посмотреть.

Он опустился на корточки. Механизм был примитивным — поршневой насос, который качал воду из подземного источника. Проблема была очевидной: кожаная прокладка на поршне сгнила и пропускала воздух. В мире, где есть магия, никто не думал чинить механику — проще было наколдовать воду. Но раз магию запретили...

— Починить можно, — сказал Димон.

— Чем? — Элино скрестила руки.

— У тебя есть нож?

— Есть.

— Дай.

Она протянула ему небольшой кривой клинок. Димон вытащил из кармана свой мульти-тул Victorinox — единственное, что осталось от старой жизни. Плоскогубцы, отвёртка, маленькая пилочка.

Люди вокруг замолчали и уставились на него.

— Что это за колдовство? — прошептал кто-то.

— Не колдовство, — буркнул Димон, откручивая крышку насоса. — Швейцарский нож. Если вы не в курсе, Швейцария — это такая страна, где ножи умеют всё, а люди — только хранить деньги.

Он снял старую прокладку. Вырезал новую из своего ремня (кожаного, с Авито, за тысячу рублей). Подогнал пилочкой. Смазал механизм какой-то жижей из бочки рядом — на вид техническое масло, на запах — рыба.

— Всё, — сказал он, закручивая крышку. — Пробуй.

Мужик с бородой подошёл к рычагу, с опаской потянул вниз... и из трубы хлынула вода. Прозрачная, холодная, настоящая.

Люди ахнули.

— Святой Созидатель! — женщина в платке перекрестилась. — Чудо!

— Не чудо, — поправил Димон. — Физика. Разница между чудесами и физикой в том, что физику можно сдать на экзамене.

Мужик с бородой схватил Димона за плечо.

— Ты кто такой, парень?

— Водопроводчик, — сказал Димон, не моргнув глазом. — Из далёкой страны. У нас там все такие.

— Водопроводчик? — мужик округлил глаза. — Ты бог!

— Перебор, — Димон высвободил плечо. — Просто человек с отвёрткой.

В толпе зашептались. Кто-то протянул монету. Потом ещё. Потом женщина в платке сняла с пальца медное кольцо и бросила в мешок Элинора.

— Это тебе, водопроводчик! — крикнула она. — Спасибо!

Элинора стояла с открытым ртом. В её мешке уже звенело монет двадцать — плюс кольцо, плюс кто-то кинул кусок ткани, а кто-то — копчёную рыбу.

— Ты... — она посмотрела на Димона. — Ты только что заработал больше, чем я за месяц.

— Это называется «рыночная экономика», — Димон убрал мультитул. — Если ты делаешь то, чего никто другой не может, люди платят. А теперь — пошли покупать лошадей, пока они не передумали.

Они отошли от насоса. Димон чувствовал на себе взгляды — удивлённые, благодарные, но были и другие. Острые. Наблюдающие.

Из тени у стены за ними следил человек в сером плаще. На груди — серебряный значок: раскрытая ладонь с глазом.

— Элино́р, — тихо сказал Димон. — Не оборачивайся. Но за нами хвост.

— Знаю, — ответила она, не меняя лица. — Быстро идём.

Рынок Грейвхолла был местом, где пахло всем одновременно: пряностями, потом, кровью, надеждой и отчаянием. Димон вертел головой, как турист в Стамбуле, только без радости.

— Смотри под ноги, — шипела Элино́р. — Здесь воруют всё, что не приколочено. И то, что приколочено — тоже, просто с гвоздями.

— А что приколочено гвоздями?

— Гвозди.

Они купили двух лошадей. Клячи, которым было в сумме лет шестьдесят, смотрели на мир с мудростью и глубоким похуизмом.

— Как их зовут? — спросил Димон, залезая в седло.

— Эта — Смерть, — показала Элино́р на серую. — А эта — Казнь.

— Серьёзно?

— Нет. Я пошутила. Их зовут Яблочко и Груша. Потому что они медленные, как фрукты.

Яблочко (серая) повернула голову и укусила Димона за колено.

— Ай! Она злая!

— Она добрая. Просто хочет показать, кто тут главный.

Они выехали из города через северные ворота. Стражник проверил бумаги Элино́р (поддельные, как выяснил Димон, за две серебряные монеты) и даже не посмотрел на её спутника.

— Он что, не заметил, что у меня нет метки? — спросил Димон, когда они отъехали.

— Ему плевать, — сказала Элино́р. — Он получил взятку. Для местных взятка важнее, чем долг перед инквизицией. Это называется коррупция.

— У нас это тоже есть. Называется «решение вопроса».

— Красивое слово. Мы называем это «заткнись и бери».

Лес начался сразу за городской стеной. Дорога уходила вверх, между соснами, покрытыми мхом. Солнце пробивалось сквозь кроны, делая свет зелёным и тяжёлым.

— Далеко до Альдрика? — спросил Димон.

— Две недели, если ничего не случится.

— А если случится?

— Тогда дольше. Или не доедем.

— Оптимистка.

— Реалистка.

Они ехали молча минут десять. Потом Димон не выдержал.

— Расскажи мне про магию, — попросил он. — Как она работает? Ну, там... формулы, законы, принципы.

— Нет никаких формул, — Элинор пожала плечами. — Чувствуешь — делаешь. Не чувствуешь — не делаешь.

— То есть никакой системы?

— Система в том, что системы нет.

— Это... — Димон помолчал. — Это самая ужасная новость для инженера за всю историю.

— А для ведьмы — самая обычная.

— И что, совсем никак нельзя это... предсказать? Рассчитать?

— Можно, — Элинор вдруг стала серьёзной. — Архитекторы умели. Они создали Ткань Хаоса. Говорят, они использовали числа. Но Архитекторов больше нет. А те, кто остались... — она кивнула в сторону леса. — Они скрываются. Или умерли.

— А ты бы хотела научиться?

— Все маги хотят. Но никто не умеет.

Димон посмотрел на свои руки. Руки, которые починили насос из ремня и мультитула. Руки, которые писали код для банковских приложений и собирали мебель из Икеи.

— Я научусь, — сказал он.

— Чему? — Элино́р усмехнулась. — У тебя нет магии. Ты даже свечку не зажжёшь.

— Я не про магию. Я про систему. Если этот мир построен на правилах — а он построен, потому что иначе бы всё развалилось — значит, эти правила можно понять. А если понять — можно использовать.

Элино́р посмотрела на него долгим взглядом. Вертикальные зрачки расширились.

— Ты странный, — сказала она.

— Спасибо. Это комплимент.

— Это не комплимент.

— Тогда я его украду и сделаю комплиментом. Это моя суперсила.

Лошади шлёпали копытами по грязи. Лес шумел. А в трёхстах метрах позади, скрываясь за поворотом дороги, ехал всадник в сером плаще с серебряным значком на груди.

Глава 3

Глава 3. В которой Димон взрывает химию и портит разбойникам день

Лес становился гуще.

Дорога сузилась до тропы, по которой две лошади едва разъезжались. Сосны сменились дубами, дубы — какими-то корявыми деревьями с шипастыми ветками, которые царапали лицо и норовили выколоть глаз.

— Это что за хрень? — спросил Димон, отбиваясь от очередной ветки.

— Шипастый дуб, — ответила Элинон. — Местная достопримечательность. Любит питаться путниками.

— В прямом смысле?

— В переносном. Пока что.

Димон хотел спросить, что значит «пока что», но не успел.

Потому что из кустов вылетело копьё.

Оно воткнулось в дерево в трёх сантиметрах от его головы, пробило кору и застыло, вибрируя.

— Твою мать! — заорал Димон, сползая с лошади.

— Не двигайся! — крикнула Элинон, тоже спрыгивая.

Из леса вышли четверо.

Точнее, выползли. Они были похожи на людей, которые слишком долго живут в лесу без зеркала и моральных принципов: бороды по пояс, одежда из шкур, лица в грязи. У первого на поясе висел меч с зазубринами, у второго — арбалет, у третьего — топор, а четвёртый был без оружия, но на шее у него болтался амулет — красный камень, который пульсировал тусклым светом.

— Отдавайте коней и бабское золото, — сказал первый, поигрывая мечом. — И мужика тоже отдавайте. Он нам нужен.

— Кто вы? — спросила Элинон, вытаскивая нож.

— Лесные братья, — усмехнулся второй. — А ты, ведьма, не рыпайся. Мы твою магию чужем. Амулет у нашего брата Болта — определитель магии. Так что не вздумай колдовать, а то мы тебя...

— А вы знаете, — перебил Димон, поднимаясь на ноги. — У нас в России есть поговорка: «Не буди лихо, пока оно тихо». Не слышали такую?

— Чего? — первый разбойник нахмурился.

— Поговорка. Очень мудрая. Означает: не связывайтесь с людьми, у которых есть мультитул и знание химии за восьмой класс.

Разбойники переглянулись.

— Ты чё, дурной? — спросил третий, с топором.

— Возможно, — согласился Димон. — Но это не отменяет того, что сейчас вы пожалеете.

Он полез в карман.

— Стоять! — заорал первый. — Не двигайся!

— Я просто за пращой тянусь, — спокойно сказал Димон. — У вас же есть оружие, у меня будет. Правила честного боя.

— У нас нет честного боя! — крикнул второй.

— Ну и зря. Это весело.

Димон вытащил пращу — кусок кожи на верёвках, которую он сплёл ещё в подвале Элинора («на всякий случай», сказал он тогда, а она посмеялась). В другую руку он взял небольшой глиняный шарик.

— Что это? — спросил четвёртый, с амулетом. — Магия?

— Хуже, — улыбнулся Димон. — Химия.

Он раскрутил пращу и запустил шарик.

Первый разбойник засмеялся. Шарик был маленьким, глиняным, летел медленно и явно не долетит.

Ошибался.

Шарик разбился прямо у ног разбойников. Из него вырвалось облако жёлтого дыма, пахущего уксусом, перцем и чем-то ещё, от чего у Димона самого защипало в носу.

— ОН ОСЛЕПИЛ МЕНЯ! — заорал третий, хватаясь за лицо.

— ЧТО ЭТО? — вторил первый, кашляя.

— Жгучий газ, — сказал Димон, закладывая второй шарик. — Смесь уксуса, жгучего перца и мочи. Мой собственный рецепт. Называется «Плач инквизитора».

— ТЫ... ТЫ ЧУДОВИЩЕ! — прохрипел второй, вытирая слёзы.

— Спасибо. Я старался.

Третий разбойник, тот, с топором, сквозь слёзы и кашель рванул вперёд, размахивая оружием. Димон увернулся — чудом, потому что его кеды скользили по грязи — и второй пращой запустил шарик прямо в лицо нападающему.

Шарик разбился о лоб. Жидкость залила глаза, нос, рот.

Разбойник заорал так, что птицы в радиусе километра улетели в соседнее королевство.

— ААААА! ОНО ЖЖЁТ!

— Уксусная кислота, — прокомментировал Димон. — В следующий раз не связывайся с людьми, которые знают, что такое рН.

Четвёртый разбойник, тот, с амулетом, отступил назад. Его камень светился красным, но он явно не знал, что делать.

— Элинор! — крикнул Димон. — Сейчас!

Элинор, которая до этого стояла с открытым ртом, пришла в себя. Она взмахнула рукой — и из земли вырвались корни. Они обвили ноги разбойников, повалили их на землю, спеленали как кукол.

— А я думала, ты умрёшь, — сказала она, глядя на Димона.

— Я тоже, — признался он, вытирая пот. — Но моя мама не растила труса. Она растила идиота с инженерным складом ума.

Первый разбойник, лежа в грязи, прохрипел:

— Кто... кто ты такой?

— Я — Димон, — сказал он, наклоняясь. — Водопроводчик, инженер и человек, который только что победил четверых бандитов с помощью кухонных припасов. Запомните это имя.

— И что ты с нами сделаешь?

Димон задумался.

— Отпустим, — сказал он наконец.

— ЧТО? — выдохнули одновременно разбойники и Элинор.

— Отпустим, — повторил Димон. — Но перед этим — вы отдадите мне свой амулет. И расскажете, кто вас послал.

Четвёртый разбойник, Болт, побледнел.

— Никто не посылал...

— Врёшь, — Димон ткнул пальцем в амулет. — Этот камень — не ваш. Он слишком дорогой для таких, как вы. Кто дал его? Инквизиция? Наёмники?

Тишина.

— Ладно, — Димон вздохнул. — Элино, можешь сделать так, чтобы корни сжали их сильнее? До хруста?

— Могу, — она улыбнулась, обнажая зубы.

— НЕ НАДО! — заорал первый. — Мортемер! Нас послал Мортемер! Он сказал, что иномирец будет проходить через лес, и мы должны взять его живым!

Димон переглянулся с Элино.

— Мортемер, — повторил он. — Инквизитор?

— Великий инквизитор, — прошептал Болт. — Он обещал золото. Много золота. И прощение.

— Прощение за что?

— За... за то, что мы маги.

Димон посмотрел на амулет. Камень всё ещё пульсировал.

— Ты маг? — спросил он у Болта.

— Слабый, — тот опустил глаза. — Очень слабый. Могу только... свечку зажечь. И амулеты чувствовать. Мортемер пообещал, что не сожжёт, если поможем.

— А остальные?

— Обычные люди. Наёмники.

Димон выдохнул. Снял с шеи Болта амулет и сунул в карман.

— Элино, отпускай.

— Ты уверен?

— Уверен. Они нам больше не враги. Они такие же жертвы этого ублюдка.

Корни разжались. Разбойники, кашляя и ругаясь, поднялись на ноги.

— Убирайтесь, — сказал Димон. — И передайте Мортемеру: следующий раз я приду не с перцем, а с настоящей химией. А это, — он похлопал по карману с амулетом, — теперь моё. Скажите ему, что Димон из России кланяется.

Разбойники не стали ждать повторения. Они бросились в лес, ломая кусты и матерясь.

Элино́р подошла к Димону.

— Ты идиот, — сказала она.

— Я знаю.

— Ты мог погибнуть.

— Но не погиб.

— Ты... — она замолчала. Потом, неожиданно, улыбнулась. — Ты реально идиот. Но смешной.

— Это прогресс. Вчера я был просто идиотом.

Она покачала головой и пошла к лошадям.

— Едем дальше. Через час будет таверна. Там переночуем.

— Таверна? — Димон оживился. — Там есть еда?

— Есть.

— Нормальная? Не вяленое мясо?

— Нормальная. Суп, хлеб, эль.

— Эль? — Димон чуть не заплакал от счастья. — Элино́р, я люблю тебя.

— Не торопись, — сказала она, забираясь в седло. — Ты ещё не пробовал местный эль.

— Он хуже, чем уксус?

— Нет. Он лучше. Но ненамного.

Димон вздохнул и полез на свою клячу.

Яблочко, серая лошадь, снова попыталась его укусить. Он увернулся.

— Я тебя тоже люблю, — сказал он лошади. — Как зубную боль.

Лошадь фыркнула, выражая, видимо, взаимность.

Глава 4

Глава 4. В которой Димон пьёт эль, рассказывает про интернет и знакомится с ветераном

Таверна «У старого пса» оказалась именно такой, как в кино: кривые стены, низкий потолок с балками, на которых висели копчёные окорока, и запах, смешивающий в себе жареный лук, пот и плохо скрываемую безнадежность.

— Уютно, — сказал Димон, входя.

— Это не уют, — поправила Элинон. — Это отсутствие альтернатив.

Внутри было темно, даже несмотря на свечи. За столами сидели какие-то люди: купцы в дорогих плащах, наёмники с рожам, которые повидали слишком много, и одна старуха, которая вязала носки и одновременно следила за всеми.

Хозяин, толстый мужчина с повязкой на глазу, кивнул Элинон.

— Ведьма, — сказал он без удивления. — Опять прячешься?

— Опять, — ответила она. — Две кружки эля и горячее. И комнату на ночь.

— Комната — пять серебряных.

— Три.

— Четыре.

— Три с половиной.

— Три с половиной и я делаю вид, что не заметил инквизиторского шпика, который зашёл за вами в городских воротах.

Элинон побледнела.

— Шучу, — ухмыльнулся хозяин. — Шпик остался в городе. Пока. Четыре серебряных.

Она бросила монеты на стойку.

— Ты жуткий человек, Гарри.

— Знаю. Поэтому мой бар до сих пор не сгорел.

Они сели за дальний столик, в углу, откуда была видна дверь и чёрный ход. Димон с наслаждением вытянул ноги. Кеды хлюпали — он так и не просох после утренней грязи.

— Что ты сделал с тем разбойником? — спросила Элинон, когда им принесли эль. — С тем, с топором. Он орал так, будто его жгли заживо.

— Уксусная кислота, — повторил Димон, делая глоток эля. Эль оказался терпимым: вкус хлеба, мёда и чего-то травяного. Лучше, чем вода из канавы. — Она не убивает, но жжёт адски. Особенно в глаза.

— Откуда ты взял уксусную кислоту?

— Из уксуса. И ещё из некоторых вещей, которые нашёл у тебя в подвале.

— Ты лазил по моим вещам?

— Я искал ингредиенты для химического оружия. Это называется «приоритеты».

Элинор покачала головой и тоже отпила эля.

— Ты странный, — повторила она.

— Ты уже говорила.

— Знаю. Но с каждым часом это становится всё очевиднее.

Она помолчала. Потом спросила:

— Расскажи про свой мир.

— Зачем?

— Потому что, — она отвела взгляд, — если мы умрём завтра, я хочу знать, откуда взялся идиот, который сжёг мои запасы уксуса на бомбы.

Димон усмехнулся.

— Хорошо. Садись, расскажу.

Он откинулся на спинку стула (деревянную, неудобную) и начал:

— Мой мир называется Земля. Нет никакой магии. Вместо этого у нас есть электричество — это такая штука, которая бежит по проводам и заставляет работать лампы, телефоны и кофеварки.

— Что такое телефон?

— Маленькая коробочка, с помощью которой можно разговаривать с человеком, который за тысячи километров.

— Как? — Элинор нахмурилась.

— Не знаю. Я инженер-программист, а не физик. Но примерно так: голос превращается в электрические сигналы, сигналы бегут по проводам или через воздух, а потом снова превращаются в голос.

— Это звучит как магия.

— Для вас — да. Для нас — обыденность.

— А ещё что у вас есть?

— Машины. Железные повозки, которые ездят сами, без лошадей. Быстро. Очень быстро.

— Быстрее, чем лошадь?

— Лошадь бежит максимум пятьдесят километров в час. Машина — сто пятьдесят. А самолёты — девятьсот.

Элинор замолчала. Её вертикальные зрачки расширились до предела.

— Ты врёшь, — сказала она.

— Честное слово, нет.

— Не может человек летать быстрее птицы.

— Не может, — согласился Димон. — Поэтому мы не машем руками, а садимся в металлическую трубу с крыльями и реактивным двигателем.

— Что такое реактивный двигатель?

— Это когда топливо сгорает и вылетает назад с такой силой, что трубу толкает вперёд.

Элинор взяла кружку, сделала большой глоток и поставила её с глухим стуком.

— Я ничего не поняла, — сказала она.

— Никто не понял. Это нормально.

— Твой мир... — она покачала головой. — Он безумный.

— А твой — нет?

— Мой хотя бы понятный. Магия есть. Инквизиция жжёт. Крестьяне голодают. Всё просто.

— В моём тоже всё просто, — возразил Димон. — Просто мы вместо магии используем знания. И вместо костров — штрафы. Ну, и иногда тюрьмы.

— И у вас нет ведьм?

— Есть. Они просто... ну, они не умеют колдовать. Они просто женщины, которых когда-то боялись, потому что они умные. Сейчас их не сжигают. В основном.

— В основном?

— Иногда сжигают. Но это уже незаконно. У нас много чего незаконно, но люди всё равно делают.

Элино́р долго смотрела на него.

— Ты скучаешь по своему миру? — спросила она тихо.

Димон не ответил сразу. Потому что ответ был «да, блять, каждый день, каждую секунду, особенно сейчас, когда я пью эль в таверне, где пахнет потом и безнадежностью».

Но он сказал:

— Скучаю. Но не так сильно, как ожидал.

— Почему?

— Потому что в моём мире у меня не было... — он запнулся. — Не было приключений. Я просто сидел за компьютером, пил пиво и смотрел сериалы. А здесь... здесь я живу. Даже если это опасно.

— Ты ненормальный, — заключила Элино́р.

— Это не новость.

— Я знаю. Я просто констатирую факт.

Она допила эль и подозвала хозяина.

— Гарри, нам ещё.

— Ещё чего? — спросил он.

— Эля. И супа. И скажи, что слышно про Мортемера.

Хозяин помрачнел. Он огляделся, наклонился к ним и прошептал:

— Мортемер объявил награду за иномирца. Слышали? Двести золотых. И за любую ведьму, которая его укрывает, — тоже награда, но меньшая. Тридцать золотых.

— Тридцать? — возмутилась Элино́р. — Я стбю тридцать? Я оскорблена.

— Ты можешь быть оскорблена в другом месте, — буркнул Гарри. — Моя таверна — не место для громких разговоров. Здесь все уши.

Он отошёл, а Элинор повернулась к Димону.

— Слышал? Двести золотых. Твоя голова стоит больше, чем мой дом.

— У тебя есть дом?

— Был. Пока я не сбежала.

— И сколько стоил твой дом?

— Сто пятьдесят.

— Значит, я дороже, чем твой дом, но дешевле, чем нормальная квартира в Москве.

— Что такое квартира?

— Неважно.

Они замолчали. В таверне стало тише — или это только показалось. Димон заметил, что старуха с носками перестала вязать и уставилась на них.

— Элинор, — тихо сказал он. — У нас хвост?

— Не знаю, — так же тихо ответила она. — Но если да, то я его чувствую.

В этот момент дверь таверны открылась.

Вошел человек.

Он был старым — лет пятьдесят, не меньше. Широкоплечий, коренастый, с огромными руками, которые явно знали, что такое меч. Короткая седая щетина. Лысина с татуировкой дракона. И вместо правой ноги ниже колена — культя, обмотанная грязными бинтами. Он опирался на костыль, сделанный из ветки.

Сержант Кроу.

Он оглядел таверну, ни на ком не задержав взгляд, и прохромал к стойке.

— Гарри, — сказал он хрипло. — Эль. И не спрашивай, откуда у меня деньги.

— Не спрошу, — ответил хозяин, наливая кружку. — Ты их заработал или украл — мне плевать. Платишь — пьёшь.

Старик кинул на стойку две монеты, взял кружку и, ни к кому не обращаясь, громко сказал:

— А ещё я слышал, что иномирца где-то рядом. Тот самый, которого ищет Мортемер.

Димон напрягся. Элинор положила руку на нож.

— Говорят, он чудотворец, — продолжил старик, не повышая голоса, но так, чтобы слышали все. — Водопровод чинит. Глаза выжигает уксусом. Бандитов в лес разгоняет.

Он повернулся и посмотрел прямо на Димона.

— И ещё говорят, он не умеет колдовать, — сказал старик. — Вообще. Ни хрена. Просто башка варит.

Тишина в таверне стала абсолютной.

Димон почувствовал, как пот стекает по спине. Элинор сжала нож.

— Я никого не ищу, — сказал старик и вдруг усмехнулся. — И никому ничего не скажу. Потому что мне насрать на Мортемера. Я воевал за эту страну, пока он сосал мамкину сиську.

Он поднял кружку.

— За иномирца, — сказал он. — Пусть он разнесёт их всех к Ткани.

И выпил.

Димон выдохнул.

— Кто вы? — спросил он.

Старик поставил кружку.

— Сержант Кроу, — сказал он. — Ветеран. Инвалид. Человек, которому нечего терять. А ты, парень, тот самый иномирца, который вчера починил насос на площади?

— Да, — признался Димон.

— Молодец, — Кроу кивнул. — Я там был. Видел. Воды давно не было. Спасибо тебе.

— Не за что.

— Есть за что, — старик вдруг стал серьёзным. — Ты сделал то, чего не могли маги. Потому что маги только портят. А ты чинишь. Это редкость.

Он хромал к их столику, сел без приглашения и уставился на Димона.

— Куда идёте? — спросил он.

— А вам какое дело? — резко спросила Элинор.

— Такое, что Мортемер уже выслал за вами отряд. Пять человек. Все с амулетами. Все обучены убивать ведьм.

Элино́р побледнела.

— Откуда вы знаете?

— У меня уши длинные. И старые друзья в гильдии. Вам нужен проводник, который знает лес и не боится инквизиции.

— И вы предлагаете себя? — спросил Димон.

— Я предлагаю себя, — кивнул Кроу. — Бесплатно. Потому что, — он посмотрел на свою культу, — я всё равно не жалец. А так хоть умру не в грязной таверне, а в лесу, как настоящий солдат.

Димон переглянулся с Элино́р. Она покачала головой — не верь.

Но Димон вдруг подумал: этот старик не врёт. У него нет причины врать. И если Мортемер действительно выслал отряд...

— Хорошо, — сказал он. — Идёте с нами.

— Димон! — прошипела Элино́р.

— Нам нужен кто-то, кто знает лес. А ты, — он повернулся к ней, — ты знаешь магию, но не знаешь тактики. А он знает.

Кроу кивнул.

— Умный парень, — сказал он. — Жаль, что ты попал в это дерьмо.

— Жаль, что я вообще сюда попал, — ответил Димон. — Но раз уж попал, то буду выбираться. Или умру. Третьего не дано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.